Обстоятельства гибели

Автор:
Патрисия Корнуэлл

Обстоятельства гибели

Патрисия Корнуэлл

Кей Скарпетта #18

Кей Скарпетта после длительной командировки возвращается в Кембридж, штат Массачусетс. Она понимает, что многое изменилось, что она уже не может по-прежнему доверять коллегам, а именно своему заместителю Джеку Филдингу. К тому же оказывается, что он каким-то образом причастен к убийству молодого человека, который был заколот необычным ножом во время прогулки с собакой. Неподалеку от тела пострадавшего находят обломок флайбота – миниатюрного устройства, способного внедриться в тело человека. Кей отказывается верить в виновность Филдинга и начинает свое расследование.

Впервые на русском.

Патрисия Корнуэлл

Обстоятельства гибели

Patricia Cornwell

PORT MORTUARY

Copyright © 2010 by CEI Enterprises, Inc.

© С. Самуйлов, перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство Азбука®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

Стейси,

тебе приходится жить со мной,

а я живу этим

1

В женской раздевалке я бросаю испачканные брюки и халат в куб для биомусора, снимаю остальную одежду и медицинские башмаки. На дверце шкафчика сделанная по трафарету черная надпись «Полк. Скарпетта». Уберут ли ее завтра утром, сразу после моего возвращения в Новую Англию? Эта мысль посетила меня только что и теперь не дает покоя. Я одновременно и хочу, и не

хочу уезжать отсюда.

Жизнь на авиабазе ВВС в Довере вполне комфортна, несмотря на суровые условия шестимесячной стажировки и гнетущую необходимость ежедневно встречаться со смертью по поручению правительства Соединенных Штатов. Удивительно, но мое пребывание здесь прошло без каких-либо осложнений. Можно даже сказать, что оно было вполне приятным. Мне будет недоставать ранних, до рассвета, подъемов в скромной комнате, когда я, надев рабочие брюки, рубашку поло, ботинки, шла через укрытую зябкой теменью парковочную площадку к гольф-клубу, где выпивала кофе, а иногда и завтракала, после чего ехала в морг, где было свое начальство. На дежурстве я всего лишь медэксперт Вооруженных сил. Я больше не главная. Здесь есть люди рангом повыше, и важнейшие решения принимают другие, а мое мнение спрашивают далеко не всегда. Совсем не то, что в Массачусетсе, где от меня зависят все.

Сегодня понедельник, 8 февраля. Настенные часы над сияющей белой раковиной показывают 16:33, высвечивая цифры красным, словно предупреждение опасности. Менее чем через девяносто минут меня ждут на Си-эн-эн, где я буду объяснять, что такое судебная радиационная патология, почему я занялась ею и какое отношение имеют к этому Доверу Министерство обороны и Белый дом. Другими словами, я уже не только медэксперт и не просто резервист медслужбы Вооруженных сил. После 11 сентября, после вторжения Соединенных Штатов в Ирак и наращивания военного присутствия в Афганистане – я повторяю пункты, которые необходимо отметить, – грань между двумя мирами, военным и гражданским, стерлась навсегда. К примеру, в ноябре прошлого года сюда в течение сорока восьми часов доставили тринадцать погибших солдат с Ближнего Востока и ровно столько же из Форт-Худа, штат Техас. Массовые потери не ограничиваются больше полем боя, хотя я уже не уверена, что именно следует понимать под «полем боя». Может быть, скажу я по телевизору, поле боя уже везде: в школе, в доме, в церкви, в пассажирском самолете, в магазине, на месте работы или отдыха.

Перебирая туалетные принадлежности, я повторяю то, что должна сказать о трехмерной визуальной радиологии, использовании компьютерной томографии, сканировании. И еще нужно подчеркнуть, что мой новый центр в Кембридже, штат Массачусетс, является лишь первым гражданским учреждением в США, где проводят виртуальную аутопсию, на очереди стоит Балтимор, а за ним последуют другие города. Совершенствуются технологии, и традиционное вскрытие, когда ты постфактум делаешь снимки, надеясь на то,

что ничего не упустил, развивается, улучшается и становится все более и более точным, как и должно быть.

Жаль, что вечером меня не будет в программе «Уорлд ньюс», потому что теперь я бы, пожалуй, продолжила разговор с Дианой Сойер. Проблема моего частого появления на Си-эн-эн заключается в том, что близкое общение зачастую порождает фамильярность, и мне следовало иметь это в виду. Разговор может перейти на личные темы, вот что меня беспокоит. Наверное, стоит упомянуть об этом в разговоре с генералом Бриггсом, рассказать ему о том, что случилось утром, когда взбешенная мать погибшего солдата, обвинив меня по телефону в расовой нетерпимости, угрожала рассказать об этом средствам массовой информации.

Дверца шкафчика для одежды хлопает так, словно рядом выстрелили из ружья. Я ступаю на желто-коричневый плиточный пол, который всегда кажется холодным и скользким под босыми ногами. С собой у меня пластиковый пакет с шампунем и кондиционером с оливковым маслом, скрабом с морскими водорослями, безопасной бритвой, тюбиком геля для бритья (для чувствительной кожи), жидким мылом, мягкой мочалкой для лица, средством для полоскания полости рта, щеточкой для ногтей и косметическим маслом «нитроджина», которым я обычно пользуюсь после душа. Зайдя в кабинку, я аккуратно раскладываю туалетные принадлежности на выложенной кафелем полочке и включаю воду, такую горячую, какую только могу выдержать, потом поворачиваюсь под обжигающей струей, поднимаю лицо, потом смотрю вниз, на свои бледные ноги. Вода падает на спину и шею, и я надеюсь, что напряженные мышцы хоть немного расслабятся, но мысли мои уже витают в гардеробной на базе: я обдумываю, что бы надеть.

Генерал Бриггс – Джон, как я его называю, когда мы остаемся вдвоем, – выразил пожелание, чтобы я была в форме, мало того – в синем мундире ВВС, но я с ним не согласна. Лучше надеть гражданскую одежду, в которой люди видят меня почти во всех телепередачах с моим участием. Может, простой темный костюм и блузку цвета слоновой кости. Не забуду надеть и неброский «брегет» на кожаном ремешке, который мне подарила моя племянница Люси. Но ни в коем случае не «бланпейн» с его огромным черным циферблатом и керамическим безелем. Их тоже мне подарила Люси, она ведь буквально помешана на всевозможных часовых механизмах, на всем технически сложном и дорогом. Никаких брюк – только юбка и каблуки; так я выгляжу безобидной и доступной – этому трюку я научилась много лет назад, в суде. По какой-то причине

присяжным нравится рассматривать мои ноги, пока я в графически анатомических подробностях описываю смертельные раны и последние мгновения агонии жертвы. Бриггсу мой наряд конечно же не понравится, но накануне вечером, когда мы смотрели футбол и выпивали, я ему уже дала понять, что мужчине не следует давать женщине советы насчет того, что ей надевать, если только он не Ральф Лорен[1 - Лорен Ральф – американский модельер и бизнесмен, удостоен Советом дизайнеров США титула «Легенда моды». (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)].

Пар в кабинке рассеивается, и мне кажется, что я слышу чей-то голос. Вот же досада. Это может быть кто угодно – кто-либо из военных или докторов, да вообще любой, кому разрешено пользоваться этой секретной душевой и кому необходимо привести себя в порядок, пройти дезинфекцию или переодеться. Я думаю о коллегах, вместе с которыми только что проводила аутопсию, и мне почему-то кажется, что это снова капитан Аваллон. Утром, во время компьютерной томографии, она не отходила от меня ни на шаг, будто – после стольких-то лет! – я ничего в этом не смыслю, а остаток дня, словно травяная лягушка, скакала вокруг моего рабочего места. Скорее всего, это она. Нет – точно она, иначе и быть не может. От досады я стискиваю зубы. Проваливай.

– Доктор Скарпетта? – доносится до меня знакомый голос, вкрадчивый и бесстрастный; он, кажется, преследует меня повсюду. – Вам звонят.

– Я только вошла! – кричу я, перекрывая шум льющейся воды.

Как еще сказать, чтобы меня оставили в покое! Дайте же хоть немного побыть одной. Сейчас, в данную минуту, я не желаю видеть ни капитана Аваллон, ни кого-либо еще, и дело вовсе не в том, что я голая.

– Извините, мэм, но с вами хочет поговорить Пит Марино. – Ее невыразительный голос слышится уже совсем близко.

– Пусть подождет.

– Он говорит, это важно.

– Можете узнать, что ему надо?

– Сказал, это важно, мэм, – только и всего.

Я обещаю, что подойду к телефону, и делаю это, наверное, слишком резко – несмотря на все мое старание, быть обаятельной получается не всегда. Пит Марино – следователь, с которым я работаю половину моей жизни. Надеюсь, дома все нормально. Нет, если бы дело было срочным, или, не дай бог, что-то случилось бы с моим мужем Бентоном или с Люси, или же если бы произошло что-то серьезное в Кембриджском центре судебных экспертиз, который я теперь возглавляю, он бы сказал. Если бы он звонил по важному делу, Марино не стал бы просто просить кого-то позвать меня к телефону. Обычный выброс неконтролируемых эмоций, к такому выводу прихожу я. Когда ему вдруг приходит в голову какая-то мысль, он обязательно должен поделиться ею со мной.

Я широко открываю рот, стараясь выполоскать засевший глубоко в горле запах разлагающейся, обуглившейся человеческой плоти. Вонь от того, с чем я сегодня работала, вместе с паром поднимается к пазухам, смерть не оставляет меня даже здесь. Я скребу под ногтями антибактериальным мылом, которое выдавливаю из бутылочки, – тем же мылом, которым пользуюсь для мытья посуды или деконтаминации[2 - Деконтаминация – очищение поверхности от загрязнителей – контаминантов.] обуви на месте преступления, – а потом чищу зубы, десны и язык листерином. Глубоко промываю ноздри, отскабливая каждый дюйм плоти, дважды мою волосы, но зловоние не уходит. Похоже, мне никогда от него не избавиться.

Погибшего солдата, телом которого я занималась, звали Питер Гэбриэл, как легендарного рок-певца, с той лишь разницей, что этот Питер Гэбриэл был рядовым первого класса и не успел пробыть в афганской провинции Бадгис и месяца, когда придорожная бомба – кусок канализационной трубы, начиненный пластической взрывчаткой PE-4, – пробила броню его «хаммера» и внутри машины вспыхнул огненный вихрь. На рядового Гэбриэла у меня ушел почти весь день. И это здесь, в суперсовременном научном центре, где судмедэксперты и ученые Министерства обороны регулярно имеют дело с проблемами, которые у большинства людей никак с нами не ассоциируются: убийством Кеннеди; недавней идентификацией останков семейства Романовых и членов экипажа подлодки «Ханли», затонувшей в годы Гражданской войны. Мы – организация благородная, но малоизвестная, возникшая еще в 1862 году на основе Медицинского музея армии, хирурги которого оперировали (а затем и проводили аутопсию) смертельно раненного Авраама Линкольна, и обо всем

этом я должна рассказать на Си-эн-эн. Сделать упор на позитив. Забыть, что говорила миссис Гэбриэл. Я не чудовище и не фанатик. Ты не должна осуждать бедную женщину за то, что ее нервы вышли из-под контроля, говорю я себе. Она только что потеряла своего единственного ребенка. Гэбриэлы – темнокожие. А как бы ты себя чувствовала? Ты же не расистка.

Я вновь ощущаю чье-то присутствие рядом. Кто-то входит в раздевалку, в которой, благодаря моим стараниям, уже столько же пара, как и в душевой. От жары мое сердце колотится.

– Доктор Скарпетта? – Голос капитана Аваллон звучит более уверенно, словно у нее есть какие-то новости.

Я выключаю воду, подхватываю полотенце, заворачиваюсь в него и выхожу из кабинки. Расплывчатый силуэт капитана Аваллон маячит в дымке рядом с раковинами и снабженными датчиками движения сушилками для рук. Все, что мне удается различить, – это темные волосы, рабочие брюки цвета хаки и черная рубашка поло с вышитой золотисто-голубой эмблемой Службы медэкспертизы Вооруженных сил.

– Пит Марино… – начинает она.

– Я перезвоню ему через минуту. – Я снимаю с полки еще одно полотенце.

– Он здесь, мэм.

– Что значит «здесь»? – Я почти представляю, как Марино материализуется в раздевалке в виде некоего доисторического существа, возникающего из тумана.

– Ждет у боксов, мэм. Он доставит вас в «Иглз Рест», так что можете захватить вещи. – Она произносит это так, словно за мной пришли сотрудники ФБР, которые должны меня уволить или арестовать. – Мне приказано сопроводить вас к нему и оказывать всяческое содействие.

Капитана Аваллон зовут София. Она оказалась в армии сразу по окончании рентгенологического факультета. Эта особа всегда по-военному правильная

и подобострастно вежливая. Из-за этого она все время медлит и колеблется. Как раз сейчас это весьма некстати. Я беру пластиковый пакет, ступаю на кафельный пол, и ее силуэт возникает прямо передо мной.

– Я не предполагала уезжать до завтра, и поездка куда-либо с Марино не входила в мои планы.

– Могу позаботиться о вашей машине, мэм. Она же вам не понадобится?

– Вы поинтересовались у него, что, черт возьми, происходит? – Я беру из шкафчика щетку для волос и дезодорант.

– Попыталась, мэм, но он не особенно расположен к разговору.

«С-5 гэлакси» гудит вверху, выходя на курс 19. Ветер, как обычно, южный.

Один из принципов аэронавтики – коих я немало почерпнула у Люси, которая вдобавок ко всему еще и вертолетчик, – заключается в том, что номера взлетно-посадочных полос соотносятся с направлениями компаса. Значение курса округляется до десятков и делится на 10. Девятнадцатый, к примеру, соответствует 190 градусам, противоположный ему (а у каждой полосы – два направления) будет иметь обозначение 01, а ориентированы они таким образом из-за эффекта Бернулли и законов движения Ньютона. Тут все дело в скорости обтекающего крыло воздуха, взлете и посадке по ветру, который в этой части Делавэра дует с моря, из области высокого давления в область низкого, с юга на север. Изо дня в день транспортные самолеты доставляют тела и улетают с ними с черной полосы, что бежит, будто река Стикс, позади морга.

Серый, похожий на акулу «гэлакси» длиной с футбольное поле так огромен и тяжел, что кажется, с трудом передвигается в бледном небе с перистыми облаками, которые летчики обычно называют конскими хвостами. Тип авиатранспорта я определяю не глядя, по одному лишь звуку. Мне уже знакомы рев турбинных двигателей, развивающих тягу в сто шестьдесят тысяч фунтов, я с легкостью идентифицирую С-5 или С-17 с расстояния в пару миль, отличаю как обычные геликоптеры, так и двухвинтовые грузовые вертолеты, то есть я могу сказать, чем «чинук» отличается, скажем, от «блэк хоука» или «оспрея». В погожие деньки, когда выпадает свободная минута, я сижу на скамейке

у своего жилища и наблюдаю за летательными аппаратами Довера, словно за экзотическими существами, вроде ламантинов[3 - Ламантины – род больших водных млекопитающих монотипного семейства Trichechidae, отряда сирен. Эти травоядные животные обитают на мелководье и питаются водной растительностью.], слонов или доисторических птиц. Меня никогда не раздражает их оглушающий, громоподобный шум и тени, которые они отбрасывают, пролетая мимо.

Их колеса касаются земли, поднимая клубы пыли, так близко, что внутри у меня все дрожит. Я миную зону приема с ее четырьмя громадными отсеками, высокой разделительной стеной и резервными генераторами и подхожу к синему фургону, которого прежде никогда не видела, но Пит Марино не удосуживается даже пошевелиться, чтобы поздороваться со мной или открыть дверь, что в принципе еще ни о чем не говорит. Он не растрачивает свою энергию на любезности; сколько я его помню, благовоспитанность никогда не входила в список его отличительных качеств. Познакомились мы с ним более двадцати лет назад, в городском морге Ричмонда, штат Вирджиния. А может, столкнулись на месте какого-то убийства – точно уже и не помню.

Я забираюсь в машину и захлопываю дверцу, запихивая вещмешок себе под ноги. Волосы еще влажные после душа. «Ну и видок у нее», – наверное, думает он. Я всегда могу определить это по тому косому взгляду, что пробегает по мне сверху донизу, задерживаясь на определенных местах, до которых никому не должно быть дела. Ему не нравится, когда на мне рабочая одежда – брюки хаки с карманами, черная рубашка поло и куртка-«универсал», – а когда я несколько раз появилась перед ним в форме, он, кажется, просто перепугался.

– Откуда угнал мини-вэн? – спрашиваю я.

Марино дает задний ход.

– Одолжили у гражданского патруля. – Его ответ по крайней мере означает, что с Люси ничего не случилось.

Частный терминал в северном конце взлетно-посадочной полосы используется гражданским персоналом, имеющим разрешение приземляться на базе вооруженных сил. Марино сюда привезла моя племянница Люси, и нагрянули они неожиданно. Решили заявиться без предупреждения, чтобы избавить меня

от полета утренним рейсом и доставить наконец домой. Размечталась. Такого быть просто не может, и в поисках ответа я вглядываюсь в грубые черты лица Марино и оцениваю его внешний вид – примерно так же, как делаю при первичном осмотре трупа. Кроссовки, джинсы, кожаная, с флисовой подкладкой, куртка «харлей-дэвидсон», неизменная его спутница, бейсболка «янкиз» – смелое решение, учитывая тот факт, что теперь он живет в республике «Ред Сокс»[4 - «Ред Сокс» – бейсбольная команда из Бостона.], – и давно уже вышедшие из моды очки в проволочной оправе.

Не могу сказать, гладко ли выбрита голова, на которой осталось не так уж и много седых волос, но он чист и относительно опрятен; живот не раздут от пива, и на лице отсутствует тот румянец, что появляется обычно после распития более крепких напитков. Глаза не воспалены. Руки не дрожат. Не чувствую я и запаха сигарет. Дал зарок и держится. Молодец! Он уже со многим завязал: секс, выпивка, наркотики, табак, чревоугодие, сквернословие, нетерпимость, лень… Но вот с лицемерием дело обстоит хуже. Когда ему нужно, он юлит, а то и привирает, не стесняясь. Таков далеко не полный список дурных наклонностей, которые конечно же по-прежнему присутствуют в характере Марино, но, возможно, просто затаились и ждут удобного момента, чтобы вырваться на волю, когда крепость сдерживающих их узлов ослабеет.

– Ну что ж, Люси с вертолетом… – начинаю я.

– Сама знаешь, как оно бывает в таком заведении, где приходится заниматься делами похуже, чем в этом чертовом ЦРУ, – отвечает он, сворачивая на Перпл-Харт-драйв. – Случись пожар, никто и палец о палец не ударит. Я звонил раз пять, а потом принял административное решение, и мы с Люси махнули сюда.

– Так почему же вы решили приехать?

– Мы бы, конечно, не стали тебя отвлекать, когда ты занималась этим солдатом из Вустера, – говорит, он к моему полному изумлению.

Рядовой первого класса Гэбриэл был родом из Вустера, штат Массачусетс, и я не могу понять, как Марино проведал о том, чем я занимаюсь здесь, в Довере. Сказать ему никто не мог. Все, что мы делаем в морге, чрезвычайно, если не абсолютно, засекречено. Уж не исполнила ли мать убитого солдата свою угрозу обратиться к средствам массовой информации? Может, она сообщила прессе,

что белая женщина-медэксперт, занимавшаяся телом ее погибшего сына, расистка.

Прежде чем я успеваю спросить, Марино добавляет:

– Очевидно, он первая военная жертва из Вустера, вот местные СМИ на эту новость и набросились. К нам поступило несколько звонков; похоже, люди сбиты с толку и думают, что тела убитых, всех, кто как-то связан с Массачусетсом, должны поступать к нам.

– Репортеры полагают, что мы проводили аутопсию в Кембридже?

– Ну, в ЦСЭ[5 - ЦСЭ (англ. FC) – Центр судебных экспертиз. (Прим. перев.)] тоже ведь есть морг. Наверное, поэтому они так и думают.

– Уж СМИ наверняка должны знать, что все тела погибших поступают теперь в Довер, – парирую я. – Ты уверен, что причина только в этом?

– А что? – Он смотрит на меня. – Ты знаешь какую-то другую?

– Просто спрашиваю.

– Я знаю только, что было несколько звонков, и мы всех направили в Довер. А поскольку ты занималась этим парнем из Вустера и позвать тебя к телефону было некому, я позвонил генералу Бриггсу из Уилмингтона, где мы приземлялись на дозаправку. Он и послал эту капитаншу Ду-Би[6 - Ду-Би (англ. Do-Bee) – шмель из детского телесериала, наставляющий детей, как следует себя вести. (Прим. перев.)] за тобой в душ. Она что, не замужем или пошла по стопам Люси? С виду так очень даже ничего.

– Откуда ты знаешь, какая она с виду? – Я была совершенно сбита с толку.

– Тебя не было, а она заглядывала к нам в ЦСЭ, когда ехала к матери в Мэн.

Я пытаюсь вспомнить, слышала ли я об этом или нет, и тут же напоминаю себе, что, как обычно, не имею ни малейшего представления о том, что происходит в учреждении, которым я вроде бы руковожу.

– Филдинг устроил ей королевский прием, всюду провел, все показал. – Джек Филдинг, мой заместитель, Марино не нравится. – В общем, я сделал все, чтобы тебя разыскать, и конечно же сваливаться вот так на голову совсем не собирался.

Марино уклончив, и то, что он говорит, всего лишь завеса. По какой-то причине он счел необходимым заявиться сюда без всякого предупреждения. Скорее всего, чтобы удостовериться в том, что я отправлюсь с ним без малейшего промедления. И тут мне действительно становится тревожно.

– Ты же ведь здесь совсем не из-за дела Гэбриэла, не так ли? – спрашиваю я.

– Боюсь, нет.

– Что случилось?

– У нас проблема. – Он смотрит прямо перед собой. – И я сказал Филдингу и всем прочим, чтобы ни в коем случае не трогали тело до твоего возвращения.

Джек Филдинг – опытный судмедэксперт и приказам Марино не подчиняется. Если мой заместитель решил остаться в стороне и во всем положиться на меня, похоже, мы получили дельце, которое может иметь политические последствия или вовлечь нас в судебное разбирательство. Особенно тревожно то, что Филдинг даже не попытался позвонить мне или прислать имейл. Я снова проверяю айфон. От Филдинга – ничего.

– Это случилось вчера днем, примерно в полчетвертого, в Кембридже, – говорит Марино. Близятся сумерки, и мы едем уже по Атлантик-стрит. – Нортон’с-Вудс, в районе Ирвинга, не далее чем в квартале от твоего дома. Чертовски плохо, что тебя там не было. Осмотрела бы место преступления, прошлась там – может, все и обернулось бы иначе.

– Что обернулось бы иначе?

– Белый мужчина, лет двадцати с небольшим. Похоже, выгуливал собаку и умер от сердечного приступа, так? Так, да не так, – продолжает он. Мы проезжаем мимо рядов бетонных и металлических ремонтных мастерских, ангаров и прочих

построек с номерами вместо названий. – Воскресенье, прямо средь бела дня, кругом куча народу, потому что в соседнем здании, том самом, с такой большой зеленой крышей, проходило какое-то мероприятие.

В Нортон’с-Вудс размещается Американская академия искусств и наук; а здание, о котором говорил Марино, настоящий дворец из стекла и дерева, сдается в аренду по случаю особых событий. Мы живем совсем неподалеку, переехали прошлой весной, так что до ЦСЭ теперь рукой подать, а Бентону легче добираться до Гарварда, где он работает на факультете психиатрии Медицинской школы.

– Другими словами, десятки свидетелей, – продолжает Марино. – Чудесное время и идеальное место, чтобы кого-то шлепнуть.

– Ты вроде бы сказал, что у него случился сердечный приступ. Вот только, учитывая молодость, скорее не приступ, а сердечная аритмия.

– Да, так все и подумали. Несколько человек видели, как он внезапно схватился за грудь и рухнул на землю. Умер прямо на том месте, где и упал, – по общему мнению. И был тотчас же доставлен в наш офис, где провел ночь в холодильной камере.

– Что значит «по общему мнению»?

– Сегодня с утра Филдинг зашел в холодильник и заметил капли крови на полу и целую лужу на поддоне. Он посылает за Анной и Олли. У мертвеца идет кровь из носа и рта, чего не было накануне днем, когда его осматривали. На месте смерти тоже никакой крови, ни единой капли, а теперь он просто истекает, и это явно не промывочная жидкость, потому что, черт возьми, разложение еще не началось. Простыня, которой он накрыт, вся в крови, в поддон натекло уже с литр, и это охренительно плохо. Никогда не видел, чтобы мертвец так кровоточил. Поэтому я и сказал, что у нас офигенная проблема, и все должны держать рот на замке.

– Что ответил Джек? Что он сделал?

– Шутишь? Ты же знаешь своего зама. Уж лучше я помолчу…

– Личность установили? И почему Нортон’с-Вудс? Он что, живет где-то поблизости? Учится в Гарварде или, может быть, в духовной школе? – Это сразу за углом от Нортон’с-Вудс. – Сомневаюсь, что он присутствовал на этом мероприятии, что бы там ни проводилось. И тем более с собакой. – Мой голос звучит спокойно, чего не скажешь о моем внутреннем состоянии. Мы разговариваем на парковке у гостиницы «Иглз Рест».

– Подробностей пока удалось узнать не так уж и много, но похоже, там была свадьба, – говорит Марино.

– В то воскресенье, когда играется матч за Суперкубок? Кто назначает свадьбу на день игры за Суперкубок?

– Ну, если ты, например, не хочешь светиться. Или ты не американец. Или чужд американским обычаям. Да хрен его знает, но я тоже не думаю, что умерший был гостем на свадьбе, и не потому, что выгуливал собаку. Под курткой у него обнаружили девятимиллиметровый «глок». Никакого удостоверения личности, но он слушал портативное спутниковое радио, так что сама можешь догадаться, какой вывод я из всего этого сделал.

– Уж лучше б тебе объясниться.

– Люси тебе побольше расскажет об этом спутниковом радио, но похоже, он вел наблюдение, шпионил, и, возможно, тот, у кого он сидел на хвосте, решил с ним расправиться. В общем, думаю, кто-то что-то с ним сделал, нанес рану, которую каким-то образом пропустили фельдшеры «скорой». Они констатируют смерть, запихивают тело в мешок, и уже там, во время перевозки, оно начинает кровоточить. Но это же труп! У него кровяное давление на нуле! Что это означает? Только одно: он был еще жив, когда его доставили в морг и поместили в наш чертов холодильник. Там сорок с лишним градусов[7 - По Цельсию – 4,4 градуса. (Прим. перев.)], так что к утру он мог скончаться от переохлаждения. При условии, что он не умер еще раньше от потери крови.

– Если он получил рану, это должно было вызвать внешнее кровотечение, – отвечаю я. – Почему же он не истек кровью прямо на месте?

– Вот ты мне и скажи.

– Как долго «скорая» его осматривала?

– Минут пятнадцать-двадцать.

– Возможно, во время реанимационных процедур где-то пробили кровеносный сосуд? – вслух рассуждаю я. – Прижизненные и посмертные ранения, если они достаточно серьезные, могут вызвать значительное кровотечение. Быть может, сломали ребро, делая искусственное дыхание, и прокололи сосуд или артерию? Или же как-то пережали плевральную дренажную трубку, что и вызвало это кровотечение?

Но я знаю ответы на все эти вопросы. Марино не один десяток лет занимается расследованием убийств, и на этом деле собаку съел. Он не стал бы экспроприировать мою племянницу и ее вертолет и летать без предупреждения в Довер, будь у него логическое или хотя бы правдоподобное объяснение случившегося, да и Джек Филдинг, несомненно, способен разобраться в ранениях. Почему же он так со мной и не связался?

– Кембриджское пожарное депо находится всего в миле от Нортон’с-Вудс, и их бригада подоспела уже через пару минут, – произносит Марино.

Мы сидим в мини-вэне с выключенным двигателем. Уже почти стемнело, горизонт и небо сливаются друг с другом, и лишь на западе сохраняется слабый-слабый намек на дневной свет. Когда Филдинг утрясал неприятности сам, без меня? Да никогда. Всегда старается самоустраниться. Вечно его дерьмо должны убирать другие. Вот почему он так и не позвонил. Возможно, снова ушел с работы. Сколько раз он еще должен это сделать, прежде чем я перестану принимать его обратно?

– По заверению этих парней, он умер мгновенно, – добавляет Марино.

– Никто не может умереть мгновенно, если только тебя не разорвало на сотни кусочков самодельной бомбой, – отвечаю я. Ненавижу, когда Марино бросается такими вот безосновательными утверждениями. Умер мгновенно. Скончался внезапно. Был мертв прежде, чем коснулся земли. Двадцать лет твердит эти общие фразы, и не важно, что я столько же лет объясняю ему, что остановка сердца или дыхания является не причиной смерти, но симптомом умирания, а клиническая смерть фиксируется лишь через несколько минут. Она не

случается сразу. Это непростой процесс. Я напоминаю ему об этом медицинском факте, потому что не знаю, что бы еще сказать.

– Ну, я передаю лишь то, что слышал, а по их словам, спасти его было уже нельзя, – отвечает Марино, словно фельдшеры «скорой» знают о смерти больше, чем я. – Этот парень ни на что не реагировал. Так указано в их журнале.

– Ты говорил с ними?

– С одним. Утром, по телефону. Ни пульса, ничего. Парень был мертв. Так, по крайней мере, сказал парамедик. Но что, по-твоему, он мог сказать – что они не были уверены, но отправили его в морг?

– И тогда ты объяснил ему, почему спрашиваешь об этом?

– Нет, черт возьми, я же не идиот! Иначе это все уже бы было на первой полосе «Глоуб». Это ж такая новость, что я мог бы сразу проситься обратно в полицию Нью-Йорка или на работу в «Вакенхат»,[8 - «Вакенхат» – охранная фирма.] вот только бы меня никуда не взяли.

– И какой процедуре ты последовал?

– Ничему я не стал на хрен следовать. Этим занялся Филдинг. Конечно, он сказал, что сделал все по правилам, мол, в кембриджской полиции его заверили, что там не было ничего подозрительного, обычная смерть по естественным причинам, чему имелось множество свидетелей. Филдинг распорядился перевезти тело в ЦСЭ, как только копы забрали пистолет и передали в лабораторию, чтобы мы могли выяснить, на кого он зарегистрирован. Рутинное дело, и не наша вина, если санитары облажались, сказал Филдинг, и знаешь, что я тебе на это отвечу? Не прокатит. Обвинят во всем нас. СМИ нас живьем сожрут и будут требовать вернуть все в Бостон. Как тебе такая перспектива?

Перед тем как ЦСЭ приступил этим летом к работе, офис судмедэкспертизы штата располагался в Бостоне, где погряз в политических и экономических проблемах и скандалах, о которых постоянно кричали в газетах и выпусках новостей. Тела погибших терялись, посылались не в те похоронные бюро или же кремировались без надлежащего осмотра, и по крайней мере в одном случае, когда ребенок, как подозревалось, умер вследствие жестокого обращения

родителей, эксперт по ошибке протестировал не то глазное яблоко. Начальство то и дело менялось, и в итоге окружной офис пришлось закрыть из-за недостаточного финансирования. Но ничего такого, на что Марино намекает сейчас, в наш адрес сказано не было.

– Не хочу даже и думать ни о чем подобном. – Я открываю дверцу. – Уж лучше остановимся на фактах.

– Вот тут-то и проблема, так как пока вразумительных фактов у нас нет.

– И ты все это рассказал Бриггсу?

– Я сказал лишь то, что ему следует знать, – отрезал Марино.

– Так ты сказал ему то же, что и мне? – снова спрашиваю я.

– Примерно.

– Не нужно было этого делать. Что и кому говорить, решаю я. Мне решать, что ему следует знать. – Я сижу на пассажирском сиденье с открытой дверцей. Дует ветер, а я только что из душа и уже продрогла до костей. – Нельзя поднимать шум только потому, что я занята.

– Ну, ты была чертовски занята, вот я все ему и рассказал.

Я выхожу из мини-вэна и пытаюсь убедить себя, что рассказаное Марино не может быть правдой. Кембриджские санитары никогда бы не допустили такой чудовищной ошибки, и я стараюсь придумать объяснение тому, почему смертельная рана не кровоточила на месте происшествия, а потом вдруг тело стало истекать кровью; прикидываю, за какое время и даже по какой причине человек может умереть в холодильной камере морга. Я совершенно сбита с толку. Никакой зацепки нет, и больше всего меня беспокоит он, этот молодой человек, доставленный к моей двери предположительно мертвым. Я так и вижу, как его накрывают простыней и опускают в пластиковый мешок, как застегивают мешок на молнию, и все это звучит эхом старых ужасов. Очнувшийся в гробу. Погребенный заживо. Ничего подобного у меня никогда не случалось, ни разу за всю карьеру. И я не знаю ни одного реального случая.

– По крайней мере, ничто не указывает на то, что он пытался выбраться из мешка. – Марино пытается найти во всем этом хоть какой-то позитив. – Нет никаких свидетельств, что он в какой-то момент очнулся и запаниковал. Ну, сама понимаешь… Он не рвал молнию, не брыкался, ничего такого. Думаю, если б он пришел в себя и пытался выбраться, утром мы бы обнаружили его на лотке в какой-нибудь чудной позе или вовсе скатившимся. Если только, конечно, он там не задохнулся. А что, вполне мог, раз уж эти мешки герметичные. Пусть даже и протекают. Ты как-то показывала мне такой, который не протекает. Здесь другой случай. Капли крови на полу ведут от бокса к холодильнику.

– Почему бы нам не вернуться к этому позднее?

Час регистрации. На парковке – куча народу; мы направляемся к современному, но украшенному лепниной входу в отель, и могучий голос Марино звучит так, словно он говорит внутри какого-то амфитеатра.

– Сомневаюсь, что Филдинг что-то сделал, – все же добавляет Пит. – Сомневаюсь, что он вообще пальцем пошевелил. С самого утра ничего. Снова пропал без вести, как уже не раз бывало прежде. – Он открывает стеклянную входную дверь. – Не хватало только, чтоб нас из-за него прикрыли. Это будет что-то! Ты, черт возьми, делаешь ему одолжение, даешь работу после того, как он свалил с прежней, а он укладывает ЦСЭ, не дав даже встать на ноги.

В вестибюле, заставленном витринами с наградами и памятными вещицами, с удобными креслами и большим телевизором, стоит табличка, приветствующая гостей на родине «С-5 гэлакси» и «С-17 глоубмастер III». У стойки портье мужчина в тигрово-полосатой армейской боевой униформе покупает крем для бритья, воду и несколько маленьких бутылочек виски «Джонни Уокер». Я говорю консьержу, что покидаю отель раньше, чем планировала, и да, я конечно же не забуду вернуть ключи и прекрасно понимаю, что с меня все равно возьмут оплату в размере тридцати восьми долларов, даже если я не останусь на ночь.

– Как там говорится? – продолжает Марино. – Ни одно благодеяние не остается безнаказанным.

– Давай постараемся обойтись без лишнего негатива.

– Мы с тобой оба отказались от хороших должностей в Нью-Йорке, закрыли контору в Уотертауне и вот с чем остались.

Я молчу.

– Чертовски надеюсь, что нас не погонят взашей, – вздыхает Марино.

Я не отвечаю, потому что услышала уже достаточно. Миновав бизнес-центр и торговые аппараты, мы поднимаемся по лестнице на второй этаж, и только тогда он сообщает, что Люси не ждет нас в вертолете на гражданском терминале. Она в моей комнате. Упаковывает мои вещи, перебирает их, делает свои выводы, опустошает мою гардеробную, мои ящики, отключает лэптоп, принтер и беспроводной роутер. Марино тянул до последнего, поскольку прекрасно знал, что в данных обстоятельствах это только разозлит меня еще больше, и не важно, что Люси – компьютерный гений, бывшая сотрудница правоохранительных органов и моя племянница, которую я воспитала, как свою собственную дочь.

М-да… Обстоятельства действительно крайне необычные, и меня успокаивает, что Марино здесь, а Люси в моей комнате, что они прилетели за мной. Нужно вернуться домой и все проверить. Проследовав по длинному, устланному темно-красным ковром холлу, мы проходим мимо балкона с репродукциями в колониальном стиле и электронным массажным креслом, заботливо поставленным для релаксации утомленных пилотов. Я вставляю магнитный ключ-карту в замок и задаюсь вопросом: кто же впустил Люси в мой номер, потом снова думаю о Бриггсе и Си-эн-эн. Теперь о появлении на телевидении не может быть и речи. Что, если репортеры уже пронюхали о случившемся в Кембридже? Нет, я бы уже знала. И Марино бы знал. Мой администратор, Брайс, тоже знал бы об этом и тотчас же сообщил бы мне. Ничего, все будет в порядке.

Люси сидит на аккуратно заправленной кровати, застегивая на молнию мою косметичку, и я распознаю свежий цитрусовый запах ее шампуня, когда обнимаю ее и чувствую, как сильно по ней соскучилась. Черный летный костюм оттеняет дерзкие зеленые глаза и короткие розово-золотистые волосы, подчеркивает резкие черты и худобу, словно напоминая, какая она по-особенному сногсшибательная – с этой ее мальчишеской, но женственной фигурой, атлетической, но с упругой грудью, и такая напряженная, будто готова вот-вот броситься в бой. Игривая или вежливая, моя племянница всегда

выглядит несколько устрашающе, из-за чего у нее мало друзей, может, и вовсе ни одного, за исключением разве что Марино, а любовницы долго не задерживаются. Вот и с Джейми, похоже, все кончено, хотя вслух я подозрения на этот счет не высказывала. Ничего не спрашивала, но на байку Люси о том, что она перебралась из Нью-Йорка в Бостон по финансовым причинам, не купилась. Даже если ее компьютерная компания дышала на ладан – во что я лично не верю, – на Манхэттене ей платили больше, чем сейчас в ЦСЭ, где она получает сущие гроши. Моя племянница работает на меня исключительно ради общественного блага. Деньги ей не нужны.

– Что там у нас со спутниковым радио? – Я внимательно смотрю на нее, пытаясь интерпретировать поступающие сигналы, всегда слабые и озадачивающие.

В пузырьке стучат таблетки; Люси решает проверить, много ли осталось адвила, и, сочтя, что недостаточно, отправляет баночку в мусорное ведро.

– Погода установилась, и мне бы хотелось убраться отсюда поскорее. – Она снимает колпачок с баночки зантака и встряхивает его. – Поговорим в полете, мне понадобится твоя помощь. Придется много маневрировать, нас ждет снег и ледяной дождь. Если вылетим в течение часа, около десяти будем дома.

Моя первая мысль – о Нортон’с-Вудс. Нужно все осмотреть заново, но к тому времени, когда я туда доберусь, там все завалит снегом.

– Жаль. Могли бы как следует изучить место преступления.

– Утром я просил кембриджскую полицию вернуться туда. – Взгляд Марино блуждает по моему номеру, словно это он нуждается в осмотре. – Ничего не нашли.

– Они интересовались, зачем тебе это понадобилось?

– Я сказал, что у нас возникли вопросы. Сослался на «глок». Серийный номер спилен. Кажется, об этом я тебе не сказал, – добавляет он, оглядываясь кругом, смотрит на что угодно, только не на меня.

– Баллистики обработают его кислотой, может, удастся восстановить. Если ничего не выйдет, проведем полномасштабную сканирующую электронную микроскопию, – решаю я. – Если хоть что-то осталось, мы это найдем.
И я попрошу Джека съездить в Нортон’с-Вудс и снова все осмотреть.

– Отлично. Уверен, он сразу же и побежит, – язвительно усмехается Марино.

– Может, ему удастся все сфотографировать прежде, чем пойдет снег, – добавляю я. – Или кому-то еще. Любому, до кого дозвонимся…

– Пустая трата времени, – обрывает меня Марино. – Ни одного из нас там вчера не было. Где в точности это случилось, мы не знаем – только то, что возле какого-то дерева и зеленой скамьи. Так что об этом можешь забыть – как-никак, деревьев и зеленых скамеек там целых шесть акров.

– А фотографии? – спрашиваю я.

Люси, вывалив все на кровать, продолжает перебирать содержимое аптечки – мази, анальгетики, антациды, витамины, пипетки и дезинфицирующие средства.

– Полиция должна была там все сфотографировать.

– Жду, детектив должен доставить. Тот парень, что побывал на месте преступления. Это он утром принес пистолет. Лестер Лоу, проще говоря – Лес Лоу, более известный как Лоулесс[9 - Лоулесс (англ. lowless) – беззаконный. (Прим. перев.)]. Так же и отца его звали, и деда. Кембриджские копы с родословной до самого «Мейфлауэра»[10 - «Мейфлауэр» (англ. mayflower – майский цветок) – название морского судна, на котором группа английских переселенцев пересекла Атлантический океан и прибыла в 1620 г. в Северную Америку.]. Я никогда прежде с ним не пересекался.

– Ну вот теперь, думаю, все. – Люси встает с кровати. – Возможно, ты захочешь проверить, что я ничего не упустила, – обращается она ко мне.

Корзины для мусора переполнены, мои сумки упакованы и выстроены в ряд у стены, дверцы встроенного шкафа для одежды распахнуты настежь, внутри лишь пустые вешалки. Компьютерное оборудование, распечатки, газетные

статьи и книги уже исчезли со стола, ничего нет и в корзине для грязной одежды, в ванной и комоде. Я открываю маленький холодильник; он тоже пуст – выметен начисто. Пока Марино выносит вещи, набираю на айфоне номер Бриггса. Смотрю на трехэтажное оштукатуренное здание на противоположной стороне парковки, на большое зеркальное окно в середине третьего этажа. Прошлым вечером я была в том номере с ним и другими коллегами, смотрела футбол, и жизнь казалась прекрасной. Мы произносили тосты за новоорлеанских «Святых» и за себя, пили за Пентагон и за его Агентство перспективных исследований, АПИ, благодаря которому в Довере стало возможным проводить виртуальную аутопсию, а теперь появился еще и ЦСЭ. Миссия выполнена, работа сделана на «отлично», есть повод отметить – и вот теперь такая история, словно того вечера и не было, словно все это мне приснилось.

Я глубоко вздыхаю и нажимаю на клавишу вызова. Бриггс определенно не обрадуется. В его гостиной мерцает экран висящего на стене телевизора с плоским экраном… он проходит мимо окна, в форменной одежде зелено-рыжеватого оттенка с воротником-стойкой, которую обычно носит, когда находится не в морге или не на месте происшествия. Я вижу, как он берет телефон, возвращается к большому окну, встает у него и смотрит прямо на меня. Пусть и разделенные парковкой, мы – я и главный медэксперт Вооруженных сил – стоим лицом к лицу, словно между нами намечается некое противостояние.

– Полковник, – мрачно приветствует меня Бриггс.

– Только что узнала. И заверяю вас, я об этом позабочусь, будем в вертолете в течение часа.

– Вы знаете, как я всегда говорю, – звучит в трубке его глубокий, властный голос, и я пытаюсь определить степень его плохого настроения и понять, что он намерен делать. – На все есть ответ. Весь вопрос в том, как найти его наилучшим способом. Должным и надлежащим способом. – Он спокоен. Осторожен. И очень серьезен. – Мы займемся этим как-нибудь в другой раз, – добавляет он.

Он имеет в виду запланированный итоговый брифинг. Уверена, он также имеет в виду и Си-эн-эн. Мне интересно: что же такого сказал ему Марино? Что он ему сказал?

– Согласна, Джон. Все следует отменить.

– Уже сделано.

– Ну и отлично, – говорю я сухо. Не хочу, чтобы появившееся у меня чувство надвигающейся опасности передалось и Бриггсу, но понимаю, что провести его не удастся. Уже не удалось. – Первым же делом постараюсь определить, верна ли доложенная информация. Потому что не понимаю, как все это могло случиться.

– Но сейчас не самое лучшее время для полета. Это ясно и без Рокмана.

Рокман – пресс-секретарь. Бриггсу нет нужды говорить с ним потому, что он уже это сделал. Я в этом уверена.

– Понимаю.

– Поразительное совпадение. Будь я параноиком, решил бы, что кто-то спланировал некий затейливый саботаж.

– Исходя из того, что мне рассказали, не могу представить, как такое вообще возможно.

– Я же сказал тебе про параноика, – отвечает Бриггс. Оттуда, где я стою, хорошо виден его силуэт, но не выражение лица. Впрочем, мне и не нужно рассматривать его лицо. Он не улыбается. Его серые глаза холодны как сталь.

– Либо совпадение, Джон, либо нет, – говорю я. – Основной принцип уголовного расследования. Либо одно, либо другое.

– Давай обойдемся без банальщины.

– И в мыслях не было.

– Если в этот проклятый холодильник положили живого человека, ничего хуже и быть не может, – категорически заявляет он.

– Но мы пока не знаем…

– Чертовски неприятная ситуация. – Звучит это так, словно все, что мы построили за последние несколько лет, катится в пропасть.

– Мы пока не знаем, все ли из того, что мне сообщили, соответствует действительности… – вновь начинаю я.

– Думаю, будет лучше, если мы перевезем тело сюда, – вновь обрывает меня Бриггс. – ЛИВС[11 - ЛИВС (англ. AFDIL) – лаборатория идентификации Вооруженных сил. (Прим. перев.)] может поработать над установлением личности. Рокман позаботится о том, чтобы ситуация оставалась под контролем. Здесь у нас есть все необходимое.

Вот так номер! Бриггс хочет выслать самолет в Ханском-Филд, на базу ВВС, приписанную к ЦСЭ. Хочет, чтобы лаборатория идентификации Вооруженных сил и, вероятно, другие военные лаборатории и кто-то другой, но уже не я, занялись выяснением всех обстоятельств случившегося. Он не уверен в моей компетентности. Он мне не доверяет.

– Нам неизвестно, идет ли речь о федеральной юрисдикции, – напоминаю я. – Разве что вы знаете нечто такое, чего не знаю я.

– Послушайте. Я пытаюсь найти наилучший для всех вовлеченных в эту историю выход. – Бриггс смотрит на меня через парковку – руки заложены за спину, ноги слегка расставлены. – Полагаю, мы можем направить в Ханском С-17. Тело будет здесь уже к полуночи. ЦСЭ – тоже морг, где занимаются тем же, что и в других моргах.

– Морги этим не занимаются. Их назначение не в том, чтобы принимать тела, а потом отправлять их куда-либо еще для аутопсии и лабораторного анализа. ЦСЭ никогда не рассматривался как место для предварительного осмотра, после которого в Довере за дело берутся эксперты. Меня назначали туда не для этого, и не на это Кембриджу были выделены тридцать миллионов долларов.

– Вам просто следует остаться в Довере, Кей, а мы доставим тело сюда.

– Прошу вас воздержаться от какого-либо вмешательства, Джон. Пока что это дело находится в юрисдикции главного медэксперта Массачусетса. Пожалуйста, не ставьте мои права под сомнение.

Длинная пауза, затем не столько вопрос, сколько утверждение:

– Вы действительно хотите взять на себя всю ответственность.

– Ответственность в любом случае лежит на мне, хочу я этого или нет.

– Я пытаюсь защитить вас. Пытался.

– Не надо. – Дело, конечно, не в этом. Он просто в меня не верит.

– Могу выделить вам в помощники капитана Аваллон. По-моему, не такая уж и плохая идея.

Не могу поверить, что он предлагает такое.

– В этом нет необходимости, – уверенно отвечаю я. – ЦСЭ и сам со всем справится.

– Что ж, мое дело предложить. Чтобы потом разговоров лишних не было.

Каких разговоров? Странно, но мне вдруг кажется, что на линии или где-то поблизости есть кто-то еще. Бриггс по-прежнему стоит у окна. Я не могу определить, один он в комнате или нет.

– Что бы вы ни решили, – говорит он, – давить не стану. Позвоните, как только что-то узнаете. Если потребуется, можете даже меня разбудить. – Он не говорит «до свидания», «удачи» или «как приятно было с вами работать эти полгода».

Люси и Марино ушли. С моими чемоданами, рюкзаками и коробками. В комнате пустота. Как будто меня здесь и не было вовсе. Мне одиноко. Такой одинокой я не чувствовала себя давно, много-много лет, может быть, даже десятилетий.

Я осматриваюсь в последний раз, проверяю, не забыла ли что, прохожу взглядом от микроволновки к небольшому холодильнику и кофеварке, дальше, к окнам с видом на парковочную стоянку и апартаменты Бриггса – у него горит свет – и черному небу над пустынным полем для гольфа. Тучи заслоняют слегка вытянутую луну, и она то вспыхивает, то гаснет, словно сигнальный фонарь, как будто сообщает о том, что уже надвигается, и что мне нужно то ли остановиться, то ли идти дальше. Звезд не видно совсем. Меня беспокоит, что погода быстро портится и что перемена связана с южным ветром, тем самым, который приносит большие самолеты с их скорбным грузом. Надо бы поторопиться, но меня останавливает зеркало в ванной и женское отражение в нем. Я смотрю на себя в холодном искусственном свете лампы. Кто ты теперь? Кто ты на самом деле, Кей?

Голубые глаза и короткие светлые волосы, четкая форма лица и фигуры – не так уж и изменились, остались практически прежними, что не столь и мало, учитывая возраст. Я хорошо сохранилась, хотя и работала в окружении стен из бетона и стали, в помещениях без окон и солнечного света. Сыграла свою роль и генетика, врожденное стремление к успеху в семье с трагической историей в духе опер Верди. Наш род происходит из крепкого североитальянского племени, у нас резко выраженные черты, светлые волосы и кожа, хорошо развитый мышечный и костный скелет, стойко переносящий и лишения, и излишества, которые у большинства людей никак со мной не ассоциируются. Но и пагубные наклонности тоже присутствуют: страсть к еде, спиртному, ко всему тому, чего жаждет, даже себе во вред, плоть. Меня влечет красота, мне присущи глубокие чувства, но и некоторые отклонения тоже. Я могу быть жесткой, неуступчивой и невосприимчивой. Неприступной и безжалостной – я научилась быть такой. Наверное, эти качества необходимы. Они не свойственны моей натуре и даже чужды, как и всем в нашей ветреной, трагической семье. Насчет остального я не вполне уверена.

Мои предки работали и на земле, и на железной дороге, но в последние годы моя мать, занявшись генеалогическими изысканиями, добавила к этому списку художников, философов, мучеников и бог знает кого еще. Если верить ей, то я – потомок тех ремесленников, что построили алтарь и хоры, а также выложили мозаику в базилике Святого Марка и оформили фресками потолок в Кьеза дель

Анджело Сан-Рафаэле. В моем прошлом вдруг обнаружились священники и монахи, а совсем недавно – уж и не знаю, на каком основании, – выяснилось, что я еще и одной крови с художником Караваджо, которому приписывалось убийство. Более того, по версии моей матери, мы даже связаны неким неясным образом с математиком и астрономом Джордано Бруно, сожженным на костре за ересь во времена римской инквизиции.

Моя мать все еще живет в своем маленьком домике в Майами и не оставляет попыток найти объяснение моему феномену. Я, насколько ей известно, единственный в нашем роду врач, и она не понимает, почему мой выбор пал на пациентов, которые уже мертвы. Ни ей, ни моей единственной сестре, Дороти, наверное, и в голову не приходит, что на меня наложили отпечаток ужасы детства, когда мне пришлось ухаживать за рано заболевшим отцом, и тот факт, что в двенадцать лет я уже стала хозяйкой дома. По своему чутью и подготовке я – эксперт в делах насилия и смерти. Я воюю со страданиями и болью. Но так выходит, что на меня всегда возлагают ответственность и вину. С этим никогда проблем не возникает.

Я закрываю дверь. Больше шести месяцев это место было моим домом. Черт, Бриггс умудрился-таки напомнить мне, откуда я пришла и куда направляюсь. Курс этот был определен задолго до прошлого июля, еще в 1987-м, когда я поняла, что моя судьба – общественная служба, и еще не знала, как верну долг за учебу в Медицинской школе. Я допустила, чтобы такая заурядная вещь, как деньги, и такое постыдное качество, как честолюбие, изменили все бесповоротно и не к лучшему, а, напротив, к худшему. Но я была тогда юной идеалисткой. Гордой, желающей большего, не понимающей, что больше всегда означает меньше, если ты ненасытен.

Закончив приходскую школу и имея за спиной школу права Университета Корнелла, я могла бы начать профессиональную жизнь, не отягощая себя долговыми обязательствами. Но я отказалась от предложения поступить в Медицинскую школу Боумена Грея. Моей мечтой была школа Джонса Хопкинса. Ничего я не хотела так сильно и, наконец попав туда, оказалась без какой-либо финансовой поддержки, а закончила обучение с приличным долгом, выплатить который, казалось, было невозможно. Выход был один – принять военную стипендию, как уже сделали некоторые, включая Бриггса, с которым я познакомилась в начале моей профессиональной карьеры, когда меня приписали к Институту патологии Вооруженных сил, ИПВС. Проведешь какое-то время за просмотром отчетов о вскрытиях в Армейском медицинском центре

Уолтера Рида в Вашингтоне, уверял меня Бриггс, вернешь долг, а потом займешь солидный пост в гражданской судебной медицине.

Чего не было в моих планах, так это Южной Африки в декабре 1987-го, того лета на далеком континенте. Нуни Пьеста и Джоанна Рул, обе примерно моего возраста, снимали там документальный фильм. Обеих схватили, привязали к стульям, избили, порезали, изнасиловали битыми бутылками. Обеим вырвали горло. Преступление на расовой почве. Жертвы – две молодые американки. «Отправляйся в Кейптаун и верни их домой», – сказал мне тогда Бриггс. Апартеид, расовая пропаганда. Ложь и ложь кругом. Почему они и почему я?

Спускаясь по ступенькам в вестибюль, приказываю себе не думать об этом хотя бы сейчас. Почему я вообще постоянно об этом думаю? Впрочем, объяснение есть. Утром на меня накричали по телефону. Меня обругали. И вот теперь случившееся более двадцати лет назад снова встало перед моими глазами. Я помню, как исчезли отчеты о вскрытии, как рылись в моем багаже. Я была уверена, что тоже не вернусь домой живой, что меня убьют и объявят жертвой несчастного случая, самоубийства или даже убийства, как тех двух женщин, которые до сих пор стоят у меня перед глазами. Я вижу их так же ясно, как тогда, мертвенно-бледных, коченеющих на стальных столах. Вижу, как стекает кровь в дырку в полу морга, настолько примитивного, настолько плохо оснащенного, что нам пришлось пилить черепа обычной ножовкой. Там не было рентгеновского аппарата, и мне пришлось принести собственную камеру.

Я оставляю ключ на стойке портье и мысленно проигрываю недавний разговор с Бриггсом. Внезапно все проясняется. Не знаю, почему я не разглядела правду сразу. Его сдержанный тон, холодная расчетливость – я как будто смотрела на него через стекло. Мне и раньше доводилось слышать этот тон, но обычно в его обращении к другим, когда речь заходила о проблеме столь важного свойства, что решение ее находилось вне его компетенции. Дело не только в его личном мнении обо мне. Дело в чем-то таком, что выходит за рамки его типичных калькуляций и нашего неспокойного, изобиловавшего конфликтами прошлого.

Кто-то уже вышел на него, и это явно не пресс-секретарь и не кто-то из Довера – это человек сверху. Бриггс наверняка посовещался с Вашингтоном после того, как Марино слил информацию да еще поделился своими дикими домыслами прежде, чем я успела что-то сказать. Чего Марино не следовало делать, так это обсуждать кембриджский инцидент и меня заодно. Проболтавшись, он привел в действие тот механизм, о существовании которого и не догадывался. Да он

о многом не догадывется. Марино не служил в армии. Не работал на федеральное правительство. Ничего не смыслит в международных делах. Его представление о бюрократии и интригах – это местное полицейское управление, то, что он сам характеризует одним словом – хрень. Он понятия не имеет о власти. Той власти, что способна повлиять на исход президентских выборов или развязать войну.

Бриггс не предложил бы послать самолет в Массачусетс, чтобы перевезти тело в Довер, если бы не получил указание из Министерства обороны, то есть из Пентагона. Решение было принято, причем без моего участия. Я так рассердилась на Марино, что, забравшись в фургон на парковке, даже не посмотрела на него.

– Расскажи мне об этом спутниковом радио, – обращаюсь я к Люси, потому что намерена добраться до сути, выяснить, что Бриггс знает или думает, что знает.

– «Сириус стилет», – отвечает с заднего сиденья Люси.

Я включаю печку, потому что Марино всегда жарко, когда остальные замерзают.

– По сути, обычное хранилище для файлов плюс источник питания. Работает, конечно, и как переносное ХМ-радио, оно так и задумывалось. Весь фокус в креативных наушниках. Не слишком изобретательно, но в техническом плане выполнено здорово.

– Они встроили пинхол-камеру и микрофон, – добавляет Марино, выезжая со стоянки. – Вот почему я и думаю, что этот парень был шпионом. Он же не мог не знать, что у него в наушниках встроенная система аудио– и видеозаписи.

– Может быть, и не знал. Может быть, это за ним кто-то шпионил, а он ни о чем не догадывался, – говорит мне Люси, и я чувствую, что они с Марино уже поспорили на этот счет. – Камера расположена в ободке, и заметить ее не так-то просто. А если и заметишь, то вовсе не обязательно догадаешься, что внутри – беспроводная камера размером меньше рисового зернышка, аудиотрансмиттер, который ничуть не больше, и сенсор движения, автоматически переключающийся в режим сна, если в течение девяноста секунд не регистрирует никакого движения. Парень гулял с микровеб-камерой, которая записывала все на жесткий диск радио и дополнительную восьмигиговую SD-

карту. Знал ли он об этом – другими словами, смонтировал ли все это сам, – говорить рано. Да, Марино именно так и думает, но у меня такой уверенности нет.

– SD-карта идет в комплекте с радио или ее добавили уже потом? – спрашиваю я.

– Потом. Иначе говоря, существенно увеличили пространство памяти. Сбрасывались ли файлы периодически куда-то еще, например на домашний компьютер, – вот что интересно. Если мы их найдем, то, может быть, и узнаем, в чем тут дело.

Люси хочет сказать, что те видеоклипы, которые она просмотрела, ничего особенного нам не говорят. Она полагает – и небезосновательно, – что дома у нашего клиента есть компьютер, возможно, даже не один, но где он живет и кто он такой, ей пока определить не удалось.

– На жестком диске и SD-карте сохранилась лишь запись от 5 февраля, то есть прошлой пятницы, – продолжает Люси. – Значит ли это, что наблюдение только-только началось или что видеофайлы слишком большие и занимают много места на жестком диске? Скорее второе. Возможно, они скачиваются куда-то еще, а на жесткий диск и SD-карту идет новая запись. В таком случае мы имеем последнюю запись, но это вовсе не значит, что где-то нет других, более ранних.

– Тогда можно предположить, что видеоклипы перекачивались удаленно.

– Будь я шпионкой, так бы и делала, – говорит Люси. – Я бы входила в систему и скачивала что хотела.

– А как насчет просмотра в реальном времени? – спрашиваю я.

– Вполне возможно. Если шпионили за ним, то тот, кто вел слежку, мог подключиться к веб-камере и видеть все как есть.

– То есть наблюдать за ним?

– Такое объяснение представляется наиболее логичным. Или же собирать информацию, шпионить. Некоторые именно так и делают, когда подозревают,

что их обманывают. В общем, вариантов много.

– Тогда нельзя исключать, что он непреднамеренно записал собственную смерть. – Мысль эта дает лучик надежды и в то же время глубоко меня трогает. – Я говорю «непреднамеренно», потому что мы не знаем, с чем имеем дело. Не знаем, например, умышленно ли он записал свою смерть и, следовательно, не совершил ли самоубийство. Я должна все учитывать.

– Никакой он не самоубийца, – подает голос Марино.

– На данный момент мы не можем ничего исключать, – повторяю я.

– Например, вариант с бомбистом-самоубийцей, – говорит Люси. – Как в Колумбайне и Форт-Худе. Может, он хотел совершить теракт в Нортон’с-Вудс, убить как можно больше людей, а потом покончить с собой, но что-то пошло не так, и у него не получилось.

– Мы не знаем, с чем имеем дело, – в который уже раз повторяю я.

– В обойме у «глока» семнадцать патронов, и еще один в стволе, – сообщает Люси. – Мощная штука. Любую свадьбу испоганишь. Надо узнать, кто женился и что были за гости.

– У людей такого рода есть еще и дополнительные магазины. – Я знаю, как это было в Форт-Худе, в Вирджиния-Тек и во многих других местах, где преступники открывали огонь, не особенно заботясь о том, кого убивают. – Те, кто планирует массовое убийство, обычно запасаются и патронами, и оружием. Но я с тобой согласна. Американская академия искусств и наук – заведение не простое. И правда, надо бы разузнать подробности этой свадьбы.

– По-моему, ты и сама член этой конторы, – обращается ко мне Марино. – Может, знаешь, к кому обратиться за списком членов этой академии, расписанием мероприятий?

– Я не член.

– Шутишь.

Я могла бы сказать, что не получала ни Нобелевскую, ни Пулитцеровскую премию, что у меня нет степени доктора философии, но я доктор медицины и доктор права, но это не в счет. Я могла бы напомнить, что список членов академии в данном случае не так уж важен, потому что здание может арендовать и не член академии. Важны только связи и деньги. Но вдаваться в пространные объяснения у меня не было ни малейшего желания. И кто его просил звонить Бриггсу? Вот на черта он это сделал?

– Что касается записей. Есть хорошая новость и не очень. – Люси опускает руку за сиденье и подает мне свой айпад. – Хорошая новость: ничего не было стерто. По крайней мере, последняя запись сохранилась. И это может послужить аргументом в пользу того, что шпионил все-таки он сам. Ведь если бы кто-то следил за ним и был причастен к его смерти, он, скорее всего, подключился бы к веб-адресу и очистил жесткий диск и SD-карту прежде, чем до них добрались бы люди вроде нас.

– А как насчет того, чтобы унести это чертово радио и наушники? – вступает Марино. – Если парня вели, если на него охотились и кто-то его шлепнул? Лично я бы на месте ловкача прихватил и то и другое да и смылся. Бьюсь об заклад, запись делал он сам. И в то, что это был кто-то другой, никогда не поверю. А еще я уверен, что этот парень занимался чем-то незаконным. Не знаю, зачем ему все это шпионское оборудование понадобилось, но знал о нем только он один. Досадно, что нет записи преступника, того, кто его угрохал. Тоже, кстати, примечательный факт. Если он нарвался на кого-то, когда выгуливал собаку, то почему камера это не записала?

– Камера не записала, потому что он этого типа не видел, – отвечает Люси. – Он на него не смотрел.

– При условии, что человек, так или иначе способствовавший его смерти, вообще был, – напоминаю я обоим.

– Верно, – соглашается Люси. – Устройство записывает преимущественно то, на что смотрит тот, кто его носит. Камера находится на макушке и направлена непосредственно вперед, как третий глаз.

– Значит, тот, кто его шлепнул, подошел сзади, – подводит итог Марино. – И случилось все так быстро, что жертва не успела даже обернуться. Либо так,

либо имело место нечто вроде снайперского выстрела. Может, в него выстрелили с расстояния. Типа отравленным дротиком. Некоторые яды ведь вызывают кровоизлияние, так? Кто-то скажет, что это уж слишком, но ведь такое иногда случается. Помните тот случай, когда агент КГБ отравил кого-то рицином[12 - Рицин – белковый токсин растительного происхождения.], уколов зонтиком? Тот парень ждал автобус на остановке, и никто ничего не заметил.

– Человек, о котором ты говоришь, был болгарским диссидентом и работал на Би-би-си. Насчет зонтика полной ясности нет, а вот ты без карты только глубже в чащу забираешься, – отрезаю я.

– В любом случае рицин не убивает мгновенно, – вставляет Люси. – Как и большинство ядов. Даже цианид. Не думаю, что его отравили.

– И это к тому же нам совершенно не поможет, – отвечаю я.

– Моя карта – опыт копа, – говорит Марино. – Я использую свои дедуктивные навыки. Не зря же меня называют Шерлоком. – Он стучит по бейсболке толстым указательным пальцем.

– И никто тебя Шерлоком не называет, – доносится сзади голос Люси.

– Нам это не поможет, – повторяю я, глядя на Марино, на его здоровенные руки на руле, упирающемся в живот, даже когда он в своей «боевой форме».

– Не ты ли постоянно твердишь, что мыслить надо шире? – Марино защищается, и в его голосе слышатся жесткие нотки.

– Что проку гадать?

Делать поспешные выводы вполне в натуре Марино, но после того, как он перебрался в Кембридж и стал работать на меня, эта черта проявляется все сильнее. Я нахожу объяснение в том, что в нашей жизни постоянно присутствуют военные, и это столь же ощутимо, как и пролетающие над Довером самолеты. Еще больше я виню в этом Бриггса. Марино в полном восторге от этого «настоящего мужчины», судебного патологоанатома да к тому же еще и армейского генерала. Тот факт, что и я имею отношение к военным,

никогда ничего для него не значил и даже не принимался во внимание, и это несмотря на то, что армия была частью моего прошлого, а после 11 сентября я даже получила особый статус. Марино всегда игнорировал мои связи с правительством, делая вид, что никаких связей и вовсе нет.

Он смотрит вперед, и фары приближающегося автомобиля освещают его лицо с печатью недовольства и некоторой самоуверенности, составляющей часть его натуры. Я бы, наверное, пожалела Марино – мы привязаны друг к другу, и это отрицать невозможно, – но не сейчас. Не в нынешних обстоятельствах. Не хочу показывать, как я расстроена.

– Чем еще ты поделился с Бриггсом? Кроме своего мнения?

Марино молчит, и в разговор вступает Люси:

– Бриггс видел то же самое, что увидишь ты. Идея не моя, и пересылала материалы не я. Это так, для полной ясности.

– Что именно ты не пересылала? – интересуюсь я, хотя и знаю уже ответ. Невероятно. Марино переслал Бриггсу материалы, являющиеся, по сути, уликами. Дело мое, но первым информацию получил Бриггс.

– Он захотел посмотреть, – говорит Марино, как будто желание генерала уже само по себе достаточная причина. – Что я, по-вашему, должен был ему сказать?

– Ты ничего не должен был ему говорить. Его это дело совсем не касается. Ты действовал через мою голову.

– Ладно, пусть так, – признает Марино. – Но его же назначили главным врачом. То есть, можно сказать, его назначил президент. И если так, то по рангу он выше любого из нас.

– Генерал Бриггс не является главным судмедэкспертом штата Массачусетс, и ты на него не работаешь. Ты работаешь на меня. – Я тщательно подбираю слова. Стараюсь говорить спокойно и рассудительно, как бывает, когда в зале суда меня пытается сбить с толку какой-нибудь враждебно настроенный прокурор или когда Марино готов вот-вот взорваться, разразиться проклятиями

и хлопнуть дверью. – ЦСЭ подпадает под смешанную юрисдикцию и может в некоторых случаях заниматься федеральными делами, и это, конечно, вносит некоторую неразбериху. Мы – совместное предприятие двух правительств, федерального и штата, а также МТИ. Все запутано и хитро, эксперимент беспрецедентный, вот почему ты должен был предоставить заниматься этим делом мне, а не идти в обход. Преждевременное вмешательство генерала Бриггса создает проблему, которая заключается в том, что некоторые вещи могут начать жить самостоятельной жизнью. Но что сделано, то сделано.

– Что ты имеешь в виду? Что сделано? – неуверенно спрашивает Марино.

Я улавливаю в его голосе беспокойство, но протягивать руку помощи не собираюсь. Пусть сам подумает о том, что сделано, потому что сделал это он.

– Ладно, теперь расскажи мне о плохих новостях. – Я поворачиваюсь к Люси.

– Посмотри. Здесь три последние записи, включая примерно минуту, когда камера записывала санитаров, копов и меня в лаборатории.

Цветной дисплей айпада ярко светится в темноте. Я касаюсь иконки первого выбранного Люси видеоклипа и вижу то же, что видел умерший вчера в пятнадцать часов четыре минуты: черная с белым борзая свернулась на голубом диване в гостиной с сосновым полом и сине-красным ковриком.

Камера движется вместе с человеком, потому что он надел наушники, и устройство начало запись: кофейный столик с аккуратными стопками книг и бумаг и чем-то похожим на архитектурный или инженерный чертежный лист с карандашом на нем; окно с закрытыми деревянными ставнями; стол с двумя плоскоэкранными мониторами и двумя серебристыми «макбуками», подключенным к зарядке телефоном, возможно айфоном, и янтарного цвета стеклянной курительной трубкой в пепельнице; напольная лампа под зеленым абажуром; флисовая постель для собаки и разбросанные игрушки. Мельком вижу дверь с засовом и замком-задвижкой и стену с фотографиями в рамке и постерами, разглядеть которые не успеваю. Ладно, это подождет – рассмотрю позднее.

Пока что я не вижу ничего такого, что подсказало бы, кто он или где живет, но создается впечатление, что это небольшая квартирка или дом человека, любящего животных, финансово обеспеченного, оберегающего свою личную жизнь и внимательного к вопросам безопасности. Человек этот – если допустить, что дом и собака его, – занимается высокоинтеллектуальной работой с техническим уклоном, он креативен и организован, возможно, курит марихуану. Пес для него не трофей, а спутник, существо, пострадавшее от чьей-то жестокости в прошлой жизни и не способное себя защитить. Мне жаль животное. И кстати, что с ним случилось?

Конечно, ни санитары, ни полицейские не могли бросить беспомощное, оставшееся без хозяина животное в Нортон’с-Вудс, тем более при вчерашней погоде в Новой Англии. Бентон говорил, что сегодня утром в Кембридже термометр показывал одиннадцать градусов, а к вечеру ожидается снег. Может быть, собака сейчас в пожарном отделении, накормлена и присмотрена. Может быть, ее забрал домой следователь или какой-то другой полицейский. Но возможно, никто и не понял, что борзая принадлежит умершему. Господи, какой ужас…

– Что с собакой? – спрашиваю я.

– Понятия не имею, – отвечает Марино. – До сегодняшнего утра, когда мы с Люси посмотрели то, что ты сейчас смотришь, никто ничего не знал. Санитары не помнят, чтобы там бегала какая-то беспризорная борзая, да они и не смотрели, хотя заметили, что ворота были открыты. Ну, ты и сама, наверное, знаешь, что их почти никогда и не закрывают.

– Такого холода животное может и не пережить. Как люди могли не заметить бегающую с поводком псину? Она ведь не сразу нашла открытые ворота, а, наверное, носилась несколько минут по парку. Здравый смысл подсказывает, что, когда хозяин падает, пес не сразу убегает из леса на улицу.

– В таких парках, как Нортон’с-Вудс, люди часто спускают собак с поводка и дают им побегать на свободе, – говорит Люси. – Я сама так делаю, когда выгуливаю Джет-рейнджера.

Джет-рейнджер – ее престарелый бульдог, и бегать он уже не в состоянии.

– Так что на него могли и не обратить внимания, потому что он ничем от других собак не отличался, – добавляет Люси.

– К тому же все были немножко заняты парнем, который вдруг ни с того ни с сего свалился замертво, – констатирует очевидный факт Марино.

Я смотрю на армейские постройки вдоль плохо освещенной дороги, на самолеты, большие и яркие, как планеты в хмурой мгле. Все услышанное представляется мне полной бессмыслицей. Странно, что борзая не осталась рядом с хозяином. Может быть, собака запаниковала? Или ее не заметили по какой-то другой причине?

– Пес должен объявиться, – продолжает Марино. – Не может быть, чтобы люди не обратили внимания на бродящую без хозяина борзую. Я так думаю, что ее взял кто-то из соседей или какой-нибудь студент. Хотя, может, и убийца.

– Зачем? – недоуменно спрашиваю я.

– Как ты сама говоришь, мыслить надо шире, – отвечает он. – Откуда нам знать, что тот, кто это сделал, не остался поблизости, а потом, улучив удобный момент, не забрал собаку. Сделал вид, что хозяин он сам, и увел.

– Но зачем?

– Может, собака каким-то образом вела к убийце? Могла его раскрыть? А может, для него это что-то вроде игры. Взял, чтобы пощекотать себе нервы. Или как сувенир. Да кто ж его знает? Будешь смотреть, обрати внимание, что в какой-то момент с пса сняли поводок. И больше его уже не видно. Ни возле наушников, ни рядом с телом.

Собаку зовут Сок. Я смотрю дальше и вижу, как мужчина идет по комнате и щелкает языком, приглашая друга на улицу. «Идем, Сок, – говорит он приятным баритоном. – Идем, лентяй, пора прогуляться». Я улавливаю легкий акцент, то ли британский, то ли австралийский. А может, и южноафриканский, что было бы немного жутковато. Неприятное совпадение. Мне становится не по себе, и я стараюсь не думать о Южной Африке. Соберись, сосредоточься на том, что видишь, мысленно говорю я себе. Сок соскакивает с дивана – ошейника на нем нет. Мальчик, если судить по имени. Худой, кое-где проступают ребра, что

типично для борзых, и далеко не молод, может, даже стар. Одно ухо как будто разорвано. Отбегал свое, и списали, а кто-то подобрал. Интересно, есть ли у него микрочип?

В рамке появляется пара рук – мужчина наклоняется, надевает на длинную шею красный ошейник, и я замечаю часы из серебристого металла с тахеометром на безеле и желтый блеск золота, печатки или колледжского кольца. Если кольцо осталось на пальце, если на нем есть гравировка, то оно может что-то подсказать. Руки на дисплее аккуратные, тонкие, пальцы длинные, кожа слегка смуглая. Я успеваю увидеть темно-зеленую куртку, черные мешковатые брюки и потертый мысок коричневого туристического ботинка.

Камера останавливается на стене над диваном, на каштановой обшивке и нижнем крае металлической рамы, потом сдвигается к постеру. Человек поднимается, и картина попадает в кадр целиком – это какая-то репродукция, и она кажется мне знакомой. Я узнаю набросок летающего устройства, крылатой машины, изобретения да Винчи. Память относит меня на годы назад; когда же это было? Летом, перед тем 11 сентября. Я повела Люси в лондонскую галерею Курто на выставку «Леонардо – изобретатель», и мы провели там несколько волшебных часов, слушая лекции самых известных ученых и изучая концептуальные рисунки разнообразных машин, водяных, наземных, боевых: воздушный винт, водолазный костюм, парашют, гигантский арбалет, самодвижущаяся повозка, механический рыцарь.

Великий гений эпохи Ренессанса свято верил, что искусство есть наука и наука есть искусство и что решение всех проблем можно найти в природе, если ты внимателен, наблюдателен, дотошен и посвящаешь свою жизнь поиску истины. Именно этому я всегда старалась научить племянницу. Снова и снова повторяла я ей, что если мы скромны, смиренны и отважны, то можем учиться у всего, что видим вокруг. Человек, которого я вижу на маленьком дисплее устройства, мог бы ответить на все мои вопросы. Поговори со мной. Расскажи. Кто ты и что случилось?

Он идет к закрытой на засов и замок двери, и перспектива резко сдвигается, а угол камеры меняется. Не поправил ли он наушники? Может быть, надвинул на уши, чтобы слушать музыку во время прогулки. Он проходит мимо чего-то массивного, металлического, какой-то гротескной скульптурной фигуры из железного лома. Я удерживаю картинку на паузе, но рассмотреть толком не могу и решаю, что потом, когда позволит время или вынудит необходимость,

изучу запись во всех деталях или попрошу Люси увеличить изображение. Сейчас же мне нужно заняться хозяином и собакой, которые направляются в парк, расположенный неподалеку от нашего с Бентоном дома. Я должна увидеть, что случилось. Через несколько минут этот человек умрет. Покажи мне, и я все сделаю. Выясню правду. Позволь мне позаботиться о тебе.

Мужчина и собака спускаются по четырем пролетам тускло освещенной лестницы с голыми деревянными ступеньками. Шаги легкие и быстрые. Выходят на шумную, многолюдную улицу. Солнце висит низко, хлопья снега на черной земле напоминают раздавленные печенюшки «орео», и, когда мужчина смотрит под ноги, я вижу мокрую брусчатку и асфальт, песок и соль после снегоочистки. Он поворачивает голову, оглядывается, и в поле зрения врываются автомобили и люди; на заднем фоне звучит музыка – Энни Леннокс на спутниковом радио. Я слышу только то, что звучит вне наушников, то, что подхватывает микрофон. Мужчина, похоже, добавил звук, и это плохо, потому что теперь он хуже слышит внешние звуки, например как кто-то подходит сзади. Если он беспокоится о своей безопасности, беспокоится настолько, что поставил на дверь дополнительный засов и носит пистолет, то почему так беспечен на улице? Почему не опасается, что к нему могут подобраться вне дома?

Увы, люди в наше время беспечны и глупы. Даже те, у кого есть причины для осторожности. Они отправляют эсэмэски и проверяют электронную почту, сидя за рулем машины, управляя сложной техникой или переходя улицу с плотным движением. Они болтают по сотовому, катаясь на велосипеде или роликовых коньках, а некоторые даже за штурвалом самолета. Сколько раз я говорила Люси не отвечать на звонки в вертолете, даже если у нее гарнитура «хэндс-фри». Я вижу то же, что видит выгуливающий собаку мужчина, и узнаю знакомые места: он идет по Конкорд-авеню, держа Сока на коротком поводке, мимо жилых зданий из красного кирпича, мимо Управления полиции Гарварда и зияющего темно-красным входом отеля «Шератон-Коммандер», находящегося через дорогу от Кембридж-Коммон. И живет он неподалеку от Кембридж-Коммон, в старом многоквартирном здании, где не меньше четырех этажей.

Интересно, почему он не ведет Сока в Коммон? Этот парк – популярное место для выгула собак, но наша парочка следует мимо статуй и пушек, уличных фонарей, старых дубов, скамеек и припаркованных у автоматов оплаты автомобилей. Какой-то лабрадор желтоватого окраса гонится за жирной белкой, и Энни Леннокс поет: «Нет больше “Я люблю тебя”…» Я – его глаза и уши, и у меня нет ни малейших оснований подозревать, что он знает о скрытой

камере и микрофоне.

У меня нет ощущения, что он замышляет что-то недоброе или шпионит за кем-то. Вот только зачем этому парню полуавтоматический пистолет «глок» с обоймой на восемнадцать патронов под зеленой курткой? Собирается застрелить кого-то или это оружие для самозащиты? И если да, то от кого? А может быть, он всегда ходит с оружием. Есть такие люди. Люди, которые не думают о том, чем это грозит. Почему он спилил номер с «глока»? Или это сделал кто-то другой? Мне вдруг приходит в голову, что встроенное в наушники записывающее устройство может быть каким-то экспериментом или научно-исследовательским проектом, ведь Кембридж – это мекка технических инноваций. И именно по этой причине Министерство обороны, власти штата, Гарвард и Массачусетский технологический институт согласились основать ЦСЭ на северном берегу реки Чарльз, разместив его в биотехническом здании на Мемориал-драйв. Может, он – аспирант? Айтишник? Инженер? Я смотрю на дисплей айпада и вижу спортплощадку, Гарден-стрит, покосившиеся надгробия старого кладбища.

На Гарвард-сквер его внимание привлекает киоск у Кримсон-Корнер. Он вроде бы собирается направиться к нему, может быть, купить газету – выбор там большой, что и нравится нам с Бентоном. Это наш район, сюда мы ходим выпить кофе и угоститься чем-нибудь этническим, купить книги или газеты, а потом, вернувшись с покупками домой, провести за чтением весь уик-энд. «Нью-Йорк таймс», «Лос-Анджелес таймс», «Чикаго трибюн», «Уолл-стрит джорнал», а еще толстые газеты из Лондона, Берлина и Парижа – если вы, конечно, не против новостей двухдневной давности. Иногда там обнаруживается «Ла Нацьоне» или «Л’Эспрессо», и тогда я читаю вслух о Флоренции и Риме, и мы ищем объявления о сдаваемых в аренду виллах и представляем, как будем жить там, исследовать древние развалины и музеи, итальянскую глубинку или амальфийское побережье.

Человек в раздумье останавливается на тротуаре. Потом они вдвоем пересекают улицу и идут по Массачусетс-авеню. Я даже знаю – или думаю, что знаю, – куда. Свернув налево, на Куинси-стрит, пара прибавляет шагу. В руках у незнакомца появляется пластиковый пакет – как будто Сок не может больше сдерживаться. Современное здание библиотеки Ламонта… кирпичный особняк клуба выпускников Гарварда в колониальном стиле… музей Фогга… готическая церковь Нового Иерусалима… Они сворачивают еще раз, направо, на Киркленд-авеню. Нас трое. Я с ними. Срезаем на Ирвинг, поворачиваем налево – это уже

в нескольких минутах от Нортон’с-Вудс и нашего с Бентоном дома, – слушаем по спутниковому радио «Файв фор файтинг». С каждым шагом во мне растет напряжение, с каждым шагом мы все ближе к тому моменту, когда мужчина умрет, а пес потеряется. Я отчаянно не хочу этого и иду с ними, как будто веду туда, зная, что там ждет. Остановитесь. Сверните. Вернитесь. Слева – дом в федеральном стиле, трехэтажный, с черно-белыми жалюзи и черепичной крышей. Он построен в 1824 году неким трансценденталистом, знакомым с Эмерсоном и Торо. В этом доме, где живем мы с Бентоном, оригинальная лепнина и резьба, потолки с открытыми балками, а на главной лестнице великолепные французские окна с мозаикой, сияющие в солнечные дни, как драгоценные украшения. В узком кирпичном проезде «порше-911», из хромированных выхлопных труб вырывается сизый дымок.

Бентон притормаживает, пропуская человека с борзой, который на мгновение поворачивает голову, может быть восхищаясь спорткаром, черным полноприводным турбокабриолетом, блестящим, как лакированная кожа. Интересно, запомнил ли Бентон прохожего в зеленой куртке и черно-белую борзую или даже не обратил на них внимания? Я стараюсь вспомнить, что мой муж делал вчера. Во второй половине дня он заезжал в офис, потому что забыл личное дело пациента, эвалюацию которого должен был провести сегодня. Несколько степеней разделения – молодой человек со старой собакой, которые вот-вот расстанутся навсегда, и мой муж в машине, возвращающийся в офис за забытой папкой. Я наблюдаю за всем этим, как Бог, и думаю, как это ужасно – быть Богом. Я знаю, что случится, и ничего не могу сделать, чтобы предотвратить это.

3

Фургон остановился, и Марино с Люси выходят. Мы припарковались перед зданием гражданского терминала аэропорта Джона Уоллеса. Марино и Люси уже выгружают мои вещи, а я продолжаю просматривать запись.

Через открытый спускной шлюз в кабину врывается холодный воздух. Я никак не могу понять, почему хозяин Сока отправился с ним именно в Нортон’с-Вудс, почти в Сомервилл. Почему не куда-то поближе? Может быть, чтобы встретиться с кем-то? На экране появляются черные железные ворота. Они немного

приоткрыты, и он открывает их шире. На руках у парня толстые черные перчатки вроде тех, что носят мотоциклисты. Руки замерзли, или он надел их по какой-то другой причине? Может быть, он все же задумал что-то недоброе. Может быть, планирует воспользоваться оружием. Пытаюсь представить, как он сдвигает затвор девятимиллиметрового пистолета и нажимает на спусковой крючок в такой вот перчатке. Нет, неудобно. Следовательно, и мое предположение нелогично.

Я слышу, как он открывает пластиковый пакет, а когда наклоняется, мельком замечаю что-то похожее на деревянный ящичек. Их часто делают из кедра и оборудуют, как хьюмидоры, маленьким гигрометром. Вспоминаю, что раньше видела на столе в квартире стеклянную курительную трубку. Может быть, он потому ходит гулять в Нортон’с-Вудс, что место это уединенное, обычно тихое и у полиции интереса не вызывает, если только там не происходит какое-то важное событие или не появляется какая-нибудь особенно важная персона, безопасность которой должна быть обеспечена. Может быть, ему нравится приходить туда покурить травки. Он свистит, подзывая Сока, наклоняется, снимает поводок, и я слышу: «Ну что, малыш, помнишь наше место? Покажи мне наше место». Он говорит что-то еще, неразборчивое. Потом что-то вроде: «Хочешь послать?..» или «Ты послал…». Просмотрев эпизод дважды, я все равно не понимаю сказанного, может быть, из-за того, что он наклонился и говорит в воротник.

С кем он разговаривает? Поблизости никого не видно, только пес и руки в перчатках. Потом угол съемки меняется – он поднимается, – и я снова вижу парк, деревья, скамейки и чуть в стороне каменную дорожку возле здания с зеленой металлической крышей. На экране мелькают люди – судя по одежде, они там находятся не по причине свадьбы, а тоже, как и наш герой, пришли прогуляться. Сок трусит к кустикам по своим делам, а его хозяин уходит все дальше, в глубь парка с его древними вязами и зелеными скамеечками.

Свистит. Говорит: «Давай за мной, дружок».

В затененных местах вокруг густых зарослей рододендронов снег глубокий и темный от жухлых листьев, камней и сломанных веток – в голову лезут мысли о тайных захоронениях, облезшей коже, разбросанных обглоданных костях. Хозяин Сока осматривается, и камера останавливается на трехъярусной зеленой крыше дома из дерева и стекла, который мы с Бентоном тоже видим с нашей веранды. Он поворачивает голову, и я вижу дверь на первом этаже и стоящую

у двери женщину с седыми волосами. На ней костюм и длинное кожаное пальто. Она разговаривает по телефону.

Наш герой свистит и идет по посыпанной галькой дорожке к Соку – убрать за собакой. «… и эта пустота заполняет мое сердце…» – поет Питер Гэбриэл. Я думаю о его тезке, молодом солдате, сгоревшем в своем «хаммере», и чувствую запах гари, как будто вся эта вонь навсегда осела у меня в носу. Я думаю о матери солдата, о ее горе и злости, что и выплеснулись на меня этим утром, когда она позвонила по телефону. Судмедэкспертов благодарят отнюдь не всегда, оставшиеся в живых нередко ведут себя так, словно это я виновата в смерти их любимых и близких людей. Не принимай все на свой счет – я постоянно напоминаю себе об этом.

Руки в перчатках снова встряхивают смятый пластиковый пакетик – такие продаются на каждом рынке, – и тут что-то случается. Рука в перчатке взлетает вверх, хлопает по наушникам, как будто он сбрасывает что-то, и я слышу удивленное, на выдохе: «Что за?.. Эй!..» Или, может, это крик от боли? Но рядом никого не видно, только роща вдалеке и фигурки в ней. Я не вижу собаки, не вижу ее хозяина. Прокручиваю назад, включая заново. В рамке вдруг появляется рука в черной перчатке… «Что за?.. Эй!..» Голос, пожалуй, все же удивленно-встревоженный, как будто ему двинули в живот.

Прокручиваю в третий раз, прислушиваюсь. Я улавливаю в голосе протест, может быть, страх и, да, боль, словно кто-то попал ему локтем в живот или грубо толкнул. Голые верхушки деревьев будто прыгают вверх и в сторону. В кадре – камни, они стремительно увеличиваются. Он падает на дорожку и либо лежит на спине, либо наушники свалились. На экране застывшая картинка – голые ветки и серое небо. Низ длинного черного пальто мелькает и исчезает – кто-то быстро проходит мимо. Снова уже знакомый звук – громкий хруст гальки под ногами. Картинка снова меняется. Голые ветки и серое небо, но они видны между перекладинами зеленой скамейки. Все происходит очень быстро, просто невероятно быстро, и вот уже другие голоса и другие звуки:

«Кто-нибудь, позвоните 911!»

«По-моему, он не дышит».

«У меня нет телефона. Позвоните 911!»

«Алло? Это… э… ммм, в Кембридже. Да, Массачусетс. Господи! Быстрей, быстрей. Чтоб им, сказали подождать. Да побыстрей же вы! Ну, это просто что-то. Да, да, мужчина. Упал и вроде бы не дышит… Нортон’с-Вудс, на углу Ирвинг и Брайан… Да, ему тут пытаются делать искусственное дыхание. Я останусь… Да, задержусь. Да, в смысле, я не… Она спрашивает, дышит он или нет. Нет, нет, не дышит!.. Я вообще-то не видел. Шел, смотрю, а он уже лежит…»

Я нажимаю на «паузу», выхожу из фургона и быстро – на улице холодно и ветрено – иду в терминал. Маленький зал с комнатами для отдыха и залом ожидания, старый телевизор. Секунду-другую смотрю новости на канале «Фокс», потом прокручиваю видео на айпаде. Люси у стойки оплачивает по карточке посадочный сбор. На дисплее снова голые ветки между перекладинами покрашенной зеленой краской скамейки. Теперь я уже не сомневаюсь, что наушники попали под скамейку – камера смотрит строго вверх, радио включено… «Цыганка смеялась и пела…» Музыка звучит громче, потому что наушники уже не прижаты к голове, и Шер как-то абсурдно неуместна.

Голоса требовательнее и беспокойнее. Я слышу торопливые шаги, хруст гальки, вой полицейской сирены вдалеке. Моя племянница у стойки разговаривает с пожилым мужчиной, бывшим пилотом, подрабатывающим в Довере оператором. Он с удовольствием предается воспоминаниям.

– …Во Вьетнаме. Значит, вы летали на… сейчас… на F-4, так?

– Точно. И еще на «томкэте». Мой последний самолет. Но, знаете, и «фантомы» оставались, до самых восьмидесятых. Хорошая техника служит долго. Посмотрите хотя бы на С-5. Некоторые «фантомы» до сих пор летают. В Израиле. Может быть, в Иране. Оставшиеся здесь, в Штатах, используются как беспилотные мишени. Чертовски хороший самолет. Вы его видели?

– Да, на авиабазе в Бель-Шассе, Луизиана. Летала туда на вертолете после «Катрины»[13 - «Катрина» – самый разрушительный ураган в истории США, произошел в конце августа 2005 г.].

Он кивает.

– Эксперименты на устойчивость проводились еще с «фантомами», их посылали в самый эпицентр урагана.

Экран айпада темнеет. Камера ничего больше не записывала. Я уже уверена, что, когда наш человек упал, наушники свалились и отлетели под скамейку. Не обнаруживая никакой активности, сенсор движения позволил устройству «уснуть». Интересно, как вообще получилось, что наушники оказались там, где оказались? Может быть, их кто-то отбросил. Может быть, это произошло случайно, когда кто-то попытался помочь. Может быть, это намеренно сделал человек, который скрытно записывал и выслеживал его. Я думаю о промелькнувшем длинном черном пальто и проигрываю дальше – ничего. Ни видео-, ни аудиозаписей нет вплоть до 16:37, когда деревья и темнеющее небо резко поворачиваются, а на экране возникают руки. Шуршит бумага – наушники кладут в пакет для вещдоков. Я слышу голос: «…везде новички». «Святые примут…» – отвечает другой. Мутная тьма, приглушенные голоса и больше ничего.

Я нахожу пульт на подлокотнике диванчика, переключаю телевизор на Си-эн-эн и смотрю новости с бегущей строкой. Об умершем в парке – ни слова. Снова вспоминаю про собаку. Надо бы разузнать о ней. Невозможно, чтобы никто ничего не знал. Марино входит в зал и притворяется, что не видит меня. Дуется. А может, уже сожалеет о том, что натворил, и стыдится. Спрашивать его о чем бы то ни было нет ни малейшего желания. У меня такое чувство, что и в исчезновении пса тоже есть вина Марино. Я не хочу его прощать – ни за то, что переслал видеоматериал Бриггсу, ни за то, что прежде всего позвонил ему. Может быть, если я хоть раз не прощу Марино, это послужит ему уроком, но проблема в том, что мне всегда недостает решимости до конца оставаться последовательной в делах, касающихся тех, кто мне дорог. Католическое воспитание. Вот и сейчас я уже чувствую, что смягчаюсь, что моя решимость слабеет. Переключаюсь с канала на канал и вижу, как он, не глядя на меня, подходит к Люси. Не хочу с ним ругаться. Не хочу унижать его.

Похоже, на этот раз средства массовой информации ничего не знают о человеке, труп которого ожидает меня в кембриджском морге. Иначе, рассуждаю я, такое происшествие непременно попало бы в заголовки новостей. И на мой айфон извергся бы бесконечный поток сообщений. Бриггс тоже прослышал бы об этом и как-нибудь уже отреагировал. Даже Филдинг подал бы весточку. Пока же от Филдинга нет вообще ничего. Я снова набираю его номер. Сотовый не отвечает, в офисе его нет. Ну, конечно. Он никогда и не задерживался на работе допоздна – с чего бы вдруг. Звоню на домашний в Конкорд и снова попадаю на автоответчик.

– Джек? Это Кей. – Я оставляю еще одно сообщение. – Мы вылетаем из Довера. Может быть, сбросишь мне последние новости. Следователь Лоу, надо полагать, не перезвонил? Мы все еще ждем фотографий. Кстати, не слышал ли ты о собаке? У жертвы была собака, борзая по кличке Сок. В последний раз ее видели в Нортон’с-Вудс. – В моем голосе прорезается резкая нотка. Филдинг прячется от меня, и это уже не впервые. Он мастер устраивать фокусы с исчезновениями, и у него по этой части большой опыт. – Я еще раз позвоню после посадки. Рассчитываю увидеть тебя в моем офисе между половиной десятого и десятью. Анна и Олли уже извещены, и, может быть, ты напомнишь им еще раз. Обо всем нужно позаботиться уже сегодня. Ты не мог бы позвонить в кембриджскую полицию и узнать насчет собаки? Возможно, у нее микрочип…

Наверное, это глупо, что я так ухватилась за этого пса. Что может знать о нем Филдинг? Он ведь даже на место происшествия не удосужился съездить. Тут Марино прав. Кому-то придется уйти.

Люсин «белл-407» – черный, с затемненным задним стеклом. Она открывает дверцы багажного отделения, и ветер торопливо проносится по аппарели.

Ветроуказатель стойко смотрит на север, и это одновременно хорошо и плохо. Он по-прежнему будет дуть нам в хвост, но с ним придет и штормовой фронт с дождем, градом и мокрым снегом. Марино начинает загружать мой багаж, а Люси уже обходит вертолет – проверяет антенны, статические порты, лопасти, систему экстренной посадки на воду, углекислотные баллоны, хвостовую балку, гидронасос и резервуар.

– Если за ним кто-то следил, если его кто-то скрытно записывал, то этот кто-то, поняв, что парень мертв, мог приложить руку к случившемуся, – ни с того ни с сего объявляю я. В таком случае почему бы ему не уничтожить удаленным способом записанные видеофайлы? Если не все, то, по крайней мере, те, что находятся на жестком диске и карте памяти? Разве не в его интересах сделать так, чтобы мы не нашли никаких записей и вообще ни о чем не догадались?

– Как посмотреть. – Люси берется за ручку на фюзеляже, ставит ногу на ступеньку и поднимается в кабину.

– Поставь себя на его место, – прошу я.

– Себя на его место? – Моя племянница проверяет задвижки. – Если бы я считала, что ничего особенно важного или инкриминирующего не записано, то и уничтожать бы не стала. – Она включает маленький, но мощный фонарик «шурфайр» и осматривает двигатель и его крепления.

– Почему?

Прежде чем Люси успевает ответить, ко мне подходит Марино и, обращаясь в пространство, говорит:

– Я по делам. Если кому еще надо, самое время. – Как будто он тут главный бортпроводник и его обязанность напомнить нам всем, что туалета на борту нет. Это он так ко мне подлизывается.

– Спасибо, мне не нужно, – говорю я, и он поворачивается и уходит в терминал.

– Будь я на месте наблюдателя, я бы после его смерти вот что сделала, – продолжает Люси, осматривая шланги и тюбинги, проверяя, все ли на месте и все ли в порядке. – Я бы сразу же подключилась к веб-камере, скачала все видеофайлы и, если бы не нашла ничего потенциально опасного, оставила все как есть.

Она поднимается выше – проверить несущий винт, мачту, кольцо автомата перекоса, а я жду и, только когда она спускается на площадку, спрашиваю:

– И почему бы ты оставила все как есть?

– Подумай сама.

Она идет к другой стороне вертолета, а я следую за ней. Мои вопросы часто забавляют Люси, как будто я спрашиваю ее об очевидных вещах.

– Если файлы уничтожены после его смерти, значит, это сделал кто-то другой, ведь так? – Люси светит под капот и внимательно все осматривает.

Потом снова соскакивает на аппарель.

– Разумеется, сам он стереть их уже не мог. – Я стараюсь не отвлекать ее без нужды, когда она занята предполетной проверкой, тем более когда находится под лопастями. – Поэтому если бы ты шпионила за ним и знала, что он умер, или же сама бы его убила, то оставила бы файлы и не стала бы их трогать.

– Если бы я шпионила за ним, если бы пошла в парк, чтобы убить его там, то – да, я бы оставила видеозаписи и не стала бы уносить наушники. – Люси еще раз осматривает фюзеляж. – Потому что те, кто видел его в наушниках в парке или еще до этого, стали бы спрашивать, почему они пропали. Наушники – вещь заметная.

Мы переходим к носовой части вертолета.

– К тому же, забрав наушники, мне пришлось бы забирать и спутниковое радио, залезать ему в карман, доставать, терять на все это время и надеяться, что меня никто не увидит. И что тогда делать с уже скачанными куда-то файлами? Как объяснить отсутствие записывающего устройства, если мы находим записи на домашнем компьютере или каком-то сервере? Ты же знаешь, что на это скажут. – Она открывает съемную панель над питометром, светит фонариком, наклоняется. – Каждое преступление состоит из двух вещей: самого акта и действий, направленных на то, чтобы его скрыть. В данном случае было бы разумнее оставить наушники и видеофайлы как есть, ничего не трогать, и пусть полиция или кто-то вроде нас думают, что он сам себя записывал. Марино именно так и считает, но я в этом сомневаюсь.

Люси подключает аккумуляторы. Каждый раз, выходя из вертолета на более или менее продолжительное время, она отключает их, потому что кто-то может, воспользовавшись ее отсутствием, забраться в кабину, заиграться с приборами и случайно завести двигатель. С отключенными аккумуляторами ничего такого не случится. Как бы кто куда-то ни спешил, моя племянница неизменно проводила тщательную предполетную проверку, особенно если оставляла машину без присмотра, пусть даже и на военной базе. От моего внимания не укрылось, однако, что на этот раз она проверяет все дотошнее обычного, как будто подозревает что-то или чем-то обеспокоена.

– Все в порядке? – спрашиваю я. – В полном?

– Проверяю, – говорит она, своим тоном дистанцируясь еще больше. Я чувствую ее секреты.

Люси никому не доверяет. И не должна. Мне и самой не следовало бы кое-кому доверять. Людям, которые манипулировали, лгали и утверждали, что так нужно для дела. Справедливого дела, праведного или благородного. Нуни Пьесту и Джоанну Рул задушили в постели, наверное подушками. Вот почему не было реакции тканей на повреждение. Привязанных к стульям, их насиловали, резали мачете и битым стеклом – и все после смерти. Благое, справедливое деяние, по мнению тех, кто это делал. Немыслимое, возмутительное преступление – и оно сошло им с рук. Никто не наказан по сей день. Не думай об этом. Сосредоточься на том, что впереди, а не на прошлом.

Я открываю левую переднюю дверцу и становлюсь на шасси. Ветер бьет в лицо. Извернувшись, чтобы не зацепиться за ручки управления, опускаюсь в левое кресло и пристегиваюсь. Слышу, как за спиной у меня открывает дверцу Марино. Большой, шумный и неуклюжий, он устраивается сзади, где сидит всегда. Даже если он у Люси единственный пассажир, то впереди для него места все равно нет. В вертолете двойное управление, и Марино вполне может что-то задеть, на что-то наткнуться или опереться, потому что он не думает. Просто не думает.

Люси занимает свое место и начинает еще одну предполетную проверку. Я помогаю ей тем, что отмечаю пункты проверки в списке. У меня никогда не возникало желания летать на вертолетах, которыми управляла моя племянница в последние годы, ездить на ее мотоциклах или итальянских спорткарах, но я справляюсь с ролью второго пилота и помогаю с картами и авионикой. Я знаю, как переключить радио на нужную частоту и ввести информацию в транспондер или систему радиопеленгации. В крайнем случае я могла бы, наверное, даже посадить вертолет, хотя вышло бы не очень изящно.

– Концевые выключатели в положении «выключено», – продолжаю я.

– Есть.

– Прерыватели включены.

– Есть.

Мы идем вниз по ламинированному пластиком списку, и проворные пальчики Люси касаются всего, что я называю.

Она включает бустерный двигатель и переводит дроссель в режим малого газа.

– Справа чисто. – Люси бросает взгляд в боковое окно.

– Слева чисто. – Я смотрю на темный пандус и скромное здание с освещенными окнами и стоящий на безопасном расстоянии «пайпер каб» под дрожащим на ветру брезентом.

Люси включает стартер, и лопасть несущего винта начинает медленно, с натугой вращаться, постепенно добавляя, тяжело, в ритме сердечного пульса, рассекая воздух, и я думаю о нем, том человеке в парке. Думаю о его страхе, о том, что услышала в трех словах. «Что за?.. Эй!..» И вскрик от боли.

Мысленно я снова и снова проигрываю ту сцену. Угол камеры вдруг меняется, она показывает голые ветки и серое небо, потом край длинного черного пальто. Оно промелькнуло в рамке за одно мгновение, может быть, секунду. Кто способен переступить через попавшего в беду человека так, словно он неодушевленный предмет, камень или бревно? Кто может оставить без внимания человека, схватившегося за грудь и упавшего на землю? Наверное, тот, кто это и сделал. Или кто-то, кто не хочет быть замешан в этом деле и имеет на то серьезную причину. Так поступают иногда свидетели нападения или наезда, которые предпочитают уехать с места происшествия, чтобы не участвовать в расследовании. Мужчина или женщина? Видела ли я обувь? Нет, только нижний край пальто или длинной юбки, потом глухой удар, и картинка снова поменялась: другие деревья и выкрашенная зеленой краской скамейка. Может быть, человек в черном пальто умышленно отбросил наушники под скамью, чтобы камера не записала что-то еще, сделанное в те секунды?

Запись нужно просмотреть еще раз, повнимательнее, но не сейчас. Айпад лежит сзади, да и времени нет. Лопасти уже взбивают воздух, и генератор подключен. Мы с Люси надеваем наушники. Она включает концевые выключатели, авионику, полетные и навигационные приборы. Я ставлю переключатель интеркома в положение «только экипаж», чтобы Марино не слышал нас, а мы не слышали его, пока Люси разговаривает с авиадиспетчером. Мы ждем от диспетчерской разрешения на взлет. Я ввожу пункты назначения в джи-пи-эс, в индикатор

движущейся карты и в навигационную систему Челтона. Поправляю альтиметры. Сверяю цифровой индикатор уровня топлива и топливомер. Я дублирую почти каждое свое действие, потому что это никогда не лишнее, как говорит Люси.

Наконец башня дает добро, и мы катимся к взлетной полосе, поднимаемся и, взяв курс на северо-восток, пролетаем над Делавэром на высоте тысяча двести футов. Ветер морщинит темную воду, которая похожа на густой и быстрый поток расплавленного металла. За деревьями, словно маленькие костры, мелькают огоньки.

4

Мы меняем направление, поворачивая к Филадельфии, потому что видимость с приближением к побережью ухудшается. Я переключаю интерком – проверить Марино.

– Ты как там, сзади? – Я немного успокоилась и уже не злюсь на него так сильно. К тому же куда больше меня занимает длинное черное пальто и последнее восклицание хозяина собаки.

– Надо поскорее пройти Нью-Джерси, – слышится его голос. Марино знает, где мы находимся, потому что в заднем пассажирском отсеке на видеоэкране есть бортовая карта.

– Туман и ледяной дождь. В Атлантик-Сити условия для полета по приборам. И быстрее не получится, – говорит Люси. – Перехожу на «экипаж».

Марино снова выключен из нашего разговора; диспетчеры передают нас от одной башни к другой. У меня на коленях секционная карта Вашингтона. Я ввожу в джи-пи-эс новый пункт назначения – Оксфорд, штат Коннектикут, где у нас будет последняя заправка. Мы отслеживаем погоду по монитору и видим наползающие со стороны Атлантического океана плотные желтые и зеленые массы. Мы можем обгонять шторм, уклоняться от него, нырять под него, но лишь оставаясь над сушей. К тому же нам помогает попутный ветер, добавляя скорости, которая и без того достигает ста пятидесяти двух узлов.

– Как дела? – спрашиваю я, продолжая отслеживать вышки сотовой связи и другие воздушные суда.

– Будут еще лучше, когда доберемся до места. Думаю, нам удастся обогнать вот эту тучку. – Она указывает на дисплей погодного радара. – Но при малейшем сомнении будем садиться.

Племянница не прилетела бы за мной, если бы допускала возможность ночевки в поле. Я и не беспокоюсь. Может быть, беспокоиться о чем-то еще просто нет больше сил.

– А вообще? Ты как? – говорю я в микрофон, слегка касаясь его нижней губой. – В последние недели много о тебе думала.

– Буду лучше, когда доберемся до места. Каждый раз, когда мы уже ждем твоего возвращения, планы меняются и… Так что мы уже и думать перестали.

Мое возвращение действительно откладывалось трижды, и всегда из-за каких-то неотложных дел. Сначала в Ираке в один день были сбиты два наших вертолета. Тогда погибло двадцать три человека. Потом массовое убийство в Форт-Худе. И наконец, землетрясение на Гаити. Ситуация потребовала развертывания медслужбы, мобилизовали всех, и Бриггс не пожелал отпускать меня до завершения учебной программы. Несколько часов назад он снова попытался отсрочить мой отъезд, предложив остаться в Довере. Как будто не хотел, чтобы я вернулась домой.

– Я уже думала, что вот мы прилетим в Довер и узнаем, что ты остаешься еще на неделю, две недели или даже на месяц, – добавляет Люси. – Но ты все же закончила.

– Наверное, я им просто надоела.

– Будем надеяться, ты возвращаешься домой не только для того, чтобы повернуться и снова уехать.

– Я сдала экзамены. Программа выполнена. Пора заняться своим делом.

– Кому-то определенно надо. Это уж точно.

Слушать очередные обвинения в адрес Джека Филдинга у меня нет ни малейшего желания.

– В остальном все хорошо? – спрашиваю я.

– Гараж почти закончили. Большой, на три автомобиля, плюс мойка. Если, конечно, ты не против тандемной парковки. – Начав с гаража, Люси как бы напоминает, насколько я оторвалась от того, что творится в моем собственном доме. – Уложили прорезиненное покрытие. Сигнализация еще не готова. Не хотели возиться с предохранителями, а я не согласилась. К сожалению, одно из тех старых окон с волнистым стеклом апгрейда не перенесло, так что теперь у тебя в гараже гуляет ветерок. Ты об этом знала?

– Бентон, наверное, знал.

– Ну, Бентон был занят. У тебя есть частота Милвилла? По-моему, один-два-три-точка-шесть-пять.

Я проверяю по карте, подтверждаю, ввожу данные в систему и предпринимаю еще одну попытку:

– Что у тебя нового?

Я хочу знать, что еще ждет меня дома, кроме мертвеца в холодильнике морга. Люси о себе говорить не желает, поэтому и винит Бентона в том, что он занят. Понимать ее буквально в такие минуты нельзя. Она как натянутая струна. Приникла к панели, бегает глазами по приборам и экранам радаров, выглядывает тревожно в окно, как будто ожидает, что мы вот-вот вступим в воздушный бой, или нас поразит молния, или что-то сломается. С ней что-то не так, или, может, это просто я не в настроении.

– У Бентона трудное дело. Плохое.

Мы оба знаем, что я имею в виду. Об этом много говорят в новостях. На прошлой неделе Джонни Донахью, пациент медицинского центра Маклина и студент

Гарварда, признался в убийстве шестилетнего мальчика, совершенном с помощью пневматического молотка. Бентон считает, что Джонни оговаривает себя, чем серьезно осложняет жизнь полицейским и окружному прокурору. Людям хочется верить, что признание подлинное, они не желают, чтобы такие, как Донахью, оставались на свободе. Интересно, как прошла сегодняшняя эвалюация. Просматривая видеофайл, я видела, как черный «порше» Бентона выезжал с нашей дорожки в то самое время, когда молодой человек в наушниках проходил мимо с собакой. Бентон собирался за картой Джонни Донахью. Их разделили считаные мгновения. Человеческая паутина, соединяющая всех живущих на земле, соединила нас.

– Будем держать один-два-семь-точка-три-пять, тогда сможем отслеживать Фили, – говорит Люси. – Думаю, должно получиться, если только та штука не отодвинет.

Она указывает на зеленые и желтые формы на дисплее погодного радара, свидетельствующие о приближении штормового фронта, который отжимает нас к северо-западу, к ярким огням Филадельфии, ее небоскребам.

– У меня все хорошо. Извини, что с ним так получилось; вижу, ты злишься. – Она показывает большим пальцем за спину, имея в виду Марино. – Что еще он натворил, кроме того, что был в своем репертуаре?

– Ты слышала его разговор с Бриггсом?

– Это было в Уилмингтоне. Пока я расплачивалась на заправке.

– Он не должен был ему звонить.

– Бесполезно. Все равно что приказывать Джет-рейнджеру не пускать слюни, когда я достаю что-то вкусненькое. У Марино рефлекс – стоит Бриггсу появиться, как он уже готов выложить ему все, что знает. Не понимаю, почему ты именно сейчас так удивляешься? – Люси знает, что я отвечу, но все равно спрашивает, как будто прощупывает меня, ищет что-то.

– Может быть, потому, что именно сейчас его болтливость создала особенно большую проблему.

Я рассказываю ей о требовании Бриггса переправить тело в Довер. Рассказываю о том, что у главы Службы медэкспертизы Вооруженных сил есть информация, которой он не желает делиться. Или, может быть, он просто утаивает от меня что-то важное. Не исключено, что из-за Марино. Из-за той каши, которую он заварил, действуя через мою голову.

– Не думаю, что на этом все кончится, – говорит Люси, и в этот момент диспетчер называет наш бортовой номер.

Она нажимает переключатель на ручке управления, отвечает диспетчеру, а я, пока племянница получает инструкции от службы слежения, перехожу на следующую частоту. Мы прыгаем из одной зоны ответственности в другую, формы на погодном радаре преимущественно желтые, и они гонятся за нами с юго-востока, неся с собой сильные дожди. На большой высоте дождь особенно опасен, потому что охлажденные водяные капли попадают на ведущую кромку лопастей и там замерзают. Я смотрю на плексигласовое стекло, но не вижу ни одной капельки. Интересно, что имела в виду Люси, когда говорила, что этим все не кончится?

– Ты заметила, что было в его квартире? – звучит в наушниках голос Люси. Наверное, она говорит о мертвеце в парке и видеофайле в его камере.

– Ты сказала, что этим все не кончится. – У меня свои вопросы, и мне важно сначала получить ответы на них. – Можно подробнее?

– Я бы сразу сказала, но не хотела, чтобы Марино услышал. Он все равно ничего не заметил, а я тыкать пальцем не стала, потому что хотела сначала поговорить с тобой. И вообще, ему, может быть, и знать ни о чем не нужно.

– Во что ты не стала тыкать пальцем?

– Я так думаю, что Бриггс и сам все увидел, – продолжает Люси. – У него и времени было больше, чем у тебя, и видео он просмотрел не раз, а может, и еще кому-то показал. Так что Бриггс, конечно, узнал ту металлическую штуковину у двери, такое жутковатое шестиногое пресмыкающееся с проводами, размером со стиральную машину или сушилку. Камера захватила ее только на секунду, когда он выходил с собакой на прогулку. Уж ты-то ее, конечно, не могла пропустить.

– Я заметила что-то, но мне это показалось странной металлической скульптурой. – Похоже, я пропустила какое-то пояснение Люси.

– Это робот, – говорит Люси. – И не просто робот, а прототип, разработанный для военных, тактический пэкбот для иракского контингента. Потом ему придумали новое назначение, но и оно сорвалось.

В голове у меня как будто вспыхивает огонек. Что-то смутно знакомое выступает из памяти, и неприятное, мерзкое чувство начинает вылезать откуда-то из глубины, карабкаясь к свету.

– Этот образец долго не протянул, – продолжает она, и теперь я, кажется, понимаю, о чем идет речь.

РЭБП. Робот-эвакуатор для боевых потерь. Боже мой.

– В производство его так и не запустили, потом он устарел и был заменен более усовершенствованными образцами, способными переносить тяжести в условиях самого сложного рельефа. Например, четвероногий «биг дог», которого можно увидеть на «ютубе». Этот страшила может хоть целый день таскать тяжести в самых неподходящих условиях, прыгать как олень и сохранять равновесие, если споткнется, поскользнется или получит пинка.

– РЭБП, – повторяю я. – Но зачем кому-то держать в квартире пэкбот вроде РЭБПа? Наверное, я чего-то не понимаю.

– Ты ведь видела его своими глазами, да? Когда участвовала в тех дебатах на Капитолийском холме? И ты правильно все понимаешь. Именно о РЭБПе я и говорю.

– Нет, я его не видела. – Нам показали только демонстрационный ролик, после чего у меня и возникли разногласия со многими коллегами, особенно с Бриггсом. – Но зачем кому-то держать такую штуковину в квартире?

– Да, жутковатая игрушка. Похожа на гигантского, работающего на бензине механического паука. Передвигается медленно, на коротких неуклюжих ногах, а впереди у нее две пары захватов, как у Эдварда руки-ножницы[14 - Эдвард

руки-ножницы – герой одноименного фантастического фильма Тима Бёртона, первого фильма режиссера с участием Джонни Деппа (1990).]. И при этом визжит, будто цепная пила. Увидишь перед собой такую, помчишься, как заяц, или, может, гранатой в нее запустишь.

– Но в квартире… Зачем? – Я вспоминаю демонстрационные ролики, показавшиеся мне отвратительными, и горячие, переросшие затем в неприятные стычки дебаты с коллегами, в том числе с Бриггсом, в Службе медэкспертизы, Армейском медицинском центре Уолтера Рида и сенате.

РЭБП. Типичный образчик недальновидности, автомат, ставший источником разногласий в военных и медицинских кругах. Проблема коренилась не в технологии, а в том, как ее предполагалось использовать. Я и сейчас хорошо помню одно летнее утро в Вашингтоне – от тротуара, заполненного приехавшими в столицу бойскаутами, поднимались колышущиеся волны жара, – когда мы с Бриггсом схватились в горячем споре. Мы оба были в форме, и оба чувствовали себя в ней неудобно. Помню, что, проходя мимо Белого дома, я с тяжелым сердцем размышляла о том, что будет дальше. Какие еще бесчеловечные технологии будут нам предложены? А ведь это было десять лет тому назад, в «каменном» по сравнению с теперешним веке.

– Я думаю – и даже уверена, – что именно эта штука и стоит у него в квартире, – говорит Люси. – А на «ибэе» такое не купишь.

– Может быть, модель. Копия.

– Ни в коем случае. Я смотрела в приближении и видела характерные следы, потертости и царапины, которые остаются после использования робота на пересеченной местности. Видела даже оптико-волоконные коннекторы. РЭБП не был беспроводным, и в этом один из многих его недостатков. Современные роботы почти полностью автономны, укомплектованы бортовыми компьютерами и получают информацию через сенсоры, управление которыми осуществляется с портативного пульта. Новейшие системы управления можно носить с собой. Например, у военных есть роботы-«мечи»[15 - «Мечи» (англ. SWORDS – Special Weapons Observation Remote Direct-Action System) – специальная боевая система наблюдения и разведки. (Прим. перев.)] – гуммированное покрытие, установлены на гусеничном шасси, контролируются с расстояния до тысячи метров. Представь себе роботопехоту, вооруженную легкими ручными пулеметами М-249. Мне от этого немного не по себе, и я знаю, как ты воспринимаешь такую

информацию.

– Не уверена, что для моих чувств существуют подходящие слова.

– Три отделения «мечей» сейчас в Ираке, но оружие пока что не применяли. Никто пока не знает толком, как заставить робота принять решение – выносить или нет тело погибшего с поля боя. Искусственный эмоциональный интеллект. Перспектива довольно пугающая, но отнюдь не невозможная.

– Роботов нужно использовать в мирных целях, для наблюдения, транспортировки.

– Это ты так считаешь, но согласны с тобой далеко не все.

– Роботы не должны принимать решения о вопросах жизни и смерти. Как и автопилот не должен решать, стоит ли нам проходить через эти тучи.

– Автопилот вполне мог бы принять такое решение, если бы вертолет имел сенсоры влажности и температуры. А если добавить еще силовые преобразователи, то и летал бы он сам по себе, как перышко. Еще немного сенсоров, и я тебе уже не понадоблюсь. Забирайся в кабину, садись и нажимай кнопку. Как в «Джетсонах»[16 - «Джетсоны» – американский научно-фантастический мультипликационный сериал студии «Ханна-Барбера» о приключениях семьи Джетсон. Большинство действий происходит в 2060-х гг. – через 100 лет после создания сериала.]. Звучит безумно, но чем безумнее, тем больше шансов на успех. Спроси в АПИ. Ты хотя бы представляешь, сколько денег АПИ инвестировало в Кембридж?

Люси опускает ручку управления. Мы теряем высоту и скорость, а из темноты накатывает очередной грозовой фронт.

– Кроме того, что вложило в ЦСЭ.

Настроение у Люси изменилось, даже лицо стало другим, и она больше не старается скрывать свое состояние. Я знаю это ее настроение. Слишком хорошо знаю. В последнее время она в нем пребывала редко, но приметы распознаются легко, как симптомы на время отступившей болезни.

– Компьютеры, робототехника, синтетическая биология, нанотехнологии – чем несуразнее идея, тем лучше. Такого понятия, как «сумасшедший ученый», теперь уже не существует. Можно выдать самое невероятное изобретение, а потом узнать, что оно уже используется где-то, что твоя новость уже устарела.

– Значит, ты предполагаешь, что мужчина, умерший в Нортон’с-Вудс, связан с АПИ.

– В каком-то качестве – да, связан. Прямо или косвенно – не знаю, – отвечает Люси. – РЭБП больше не используется ни в военной, ни в каких других областях. Но лет восемь или десять назад, когда начались разговоры о «звездных войнах», АПИ открыло финансирование разработок по робототехнике, биотехнологиям и компьютерному конструированию для применения в военных и разведывательных целях. И в нашей области тоже, во всем, что касается мертвых или погибших в бою.

Именно АПИ финансировало исследования и разработку технологии «радпат», которой мы пользовались, проводя сеансы виртуальной аутопсии в Довере и теперь в ЦСЭ. АПИ оплатило и мою стажировку, растянувшуюся с четырех до шести месяцев.

– Значительная часть грантов на проведение научно-исследовательских работ направляется в лаборатории, расположенные в районе Кембриджа, в Гарвард и МТИ. Помнишь, когда все стало ориентироваться на войну?

Теперь уже не просто вспомнить время, когда было не так. Война стала нашей национальной индустрией, как некогда автомобили, сталь и железные дороги. Мы живем в опасном мире, и я не верю, что ситуация когда-нибудь изменится.

– Кому-то в голову пришла замечательная идея использовать роботов вроде РЭБПа в районе боевых действий для эвакуации убитых и раненых, чтобы не рисковать жизнью их товарищей, помнишь? – говорит Люси.

Эта идея была не столько блестящей, сколько неудачной. В высшей степени неразумной, как я считала тогда и считаю до сих пор. Она-то и развела нас с Бриггсом по разные стороны баррикад. Конечно, он ни за что не признается, что это я спасла его от совершения большой ошибки, которая могла бы сильно подпортить его репутацию.

– Ее всесторонне изучили и благополучно отложили до лучших времен, – добавляет Люси.

Отложили только лишь потому, что ее практическое осуществление предполагало бы, что именно роботу надлежало бы решать судьбу человека, определять, ранен он или уже мертв.

– Министерству обороны крепко досталось тогда за этот проект. Многие сочли его жестоким и бесчеловечным.

Досталось министерству вполне заслуженно. Солдаты не должны умирать в стальных лапах механического существа, вытаскивающего их с поля боя, из подбитой машины или из-под развалин обрушившегося здания.

– Я к тому веду, что более ранние поколения этой технологии были похоронены самим министерством, отправлены на склады металлолома или растащены по частям. И тем не менее парень, который лежит сейчас в твоем холодильнике, имел у себя дома такую вот игрушку. Где он ее раздобыл? Очевидно, у него были какие-то связи. Дальше. На кофейном столике лежала чертежная бумага. Следовательно, он изобретатель, разработчик, инженер, что-то в этом роде, и так или иначе причастен к секретным проектам, требующим высокой степени допуска. При этом он сам – человек штатский.

– Почему ты так уверена, что он штатский?

– Уверена. У него нет никакой специальной подготовки, нет опыта, и он точно не правительственный агент и не военный разведчик, иначе не разгуливал бы, слушая музыку и вооруженный дорогим пистолетом со спиленным серийным номером и, скорее всего, купленным на улице. Профессионал имел бы при себе что-то такое, чей путь невозможно проследить, что-то, чем пользуешься один раз и выбрасываешь…

– А оружие еще не отследили? – уточняю я.

– Насколько мне известно, нет, и это, конечно, смешно. Он ведь не какой-то нелегал и не жил под чужим именем. Лично я думаю, что он боится. – Люси говорит это так, словно констатирует истину. – То есть боялся, – поправляется

она. – Кто-то держал его под наблюдением – по крайней мере, я так полагаю, – и вот теперь он мертв. Это не совпадение. И я предлагаю тебе быть крайне осторожной в разговоре с Марино.

– Он иногда сильно ошибается в суждениях, но укокошить меня пока не пытался.

– А еще он не перегружен интеллектом, как ты, и его соображения хватает ровно настолько, чтобы не обсуждать дела со своими приятелями в боулинге и не трепаться с репортерами. Зато он полностью доверяет таким, как Бриггс, потому что испытывает священный трепет перед военной формой. – Такой встревоженной и хмурой я не видела племянницу уже давно. – В подобных случаях тебе следует говорить с Бентоном или со мной.

– Ты уже рассказала ему то, что сейчас рассказала мне?

– Будет лучше, если про РЭБП объяснишь Марино ты, потому что сам он понять это не сможет. Его ведь не было рядом, когда ты изучала эту тему в Пентагоне. Ты расскажешь ему, и мы все сможем об этом поговорить. Ты, он, я – и этого достаточно, по крайней мере пока, потому что ты не знаешь, кто есть кто, а нам позарез нужно выстроить все факты и понять, кто с нами и кто против нас.

– Если я не могу доверять Марино в таком деле или, если уж на то пошло, в любом другом, то зачем он вообще мне нужен? – Я оправдываюсь и поэтому резка, ведь Марино был идеей Люси.

Это она предложила взять его в ЦСЭ шефом оперативных расследований и сама же с ним договорилась, хотя, по правде сказать, особенно стараться и не пришлось. Марино никогда в этом не признается, но жить там, где нет меня, он не хочет. Как только стало известно, что я перебираюсь в Кембридж, ему вдруг разонравилась служба в нью-йоркской полиции. Он разочаровался в помощнике окружного прокурора Джейми Бергер, к офису которой был приписан. Мало того, у него обострилась старая вражда с домовладельцем в Бронксе. Начались жалобы на нью-йоркские налоги, которые он безропотно платил уже несколько лет. Как можно жить в городе, где негде прокатиться на мотоцикле и некуда поставить грузовичок, вопрошал Марино, хотя ни первого, ни второго у него тогда не было. В общем, ему ничего не оставалось, как переехать.

– Дело не в доверии, а в признании возможностей и ограниченностей. – В устах Люси такое заявление звучит манифестом гуманизма. Обычно люди для нее просто никчемны или даже вредны и полностью заслуживают наказания, которое она для них определяет самостоятельно.

Люси умело манипулирует обеими ручками, набирая скорость и оставаясь одновременно ниже туч. Ночь вокруг непроницаемо темна, и в какие-то минуты я не вижу внизу ни единого огонька – это означает, что мы пролетаем над лесом. Я перехожу на частоту авиабазы Макгуайр, чтобы следить за ее воздушным пространством и одновременно одним глазком поглядывать на систему предупреждения столкновений. Похоже, кроме нас, других летательных аппаратов в воздухе нет.

– Я, возможно, и допустила ошибку, взяв Марино на работу. И может быть, совершила еще больший промах, когда приняла Филдинга.

– Не «может быть», а наверняка. И не впервые. Джек бросил тебя в Уотертауне и уехал в Чикаго, где тебе и следовало бы его оставить.

– Надо признать, в Уотертауне мы лишились финансирования. Джек знал, что офис, скорее всего, закроется, и в итоге именно так и случилось.

– Но он ушел не поэтому.

Я молчу, потому что Люси права. Не поэтому. Филдинг решил уехать в Чикаго, потому что его жене предложили там работу. Через два года он попросился назад. Сказал, что хочет работать со мной. Что ему недостает всей его большой семьи. Люси, Марино, Бентона и меня. Одной большой, счастливой семьи.

– Но дело не только в этом, – продолжает Люси. – У тебя там со всеми были проблемы.

– Значит, никого не надо было принимать. В том числе и тебя.

– Может быть, и меня тоже. Я ведь не командный игрок.

Ее уже выставили из ФБР и АТО[17 - АТО (англ. ATF) – Бюро по контролю за распространением алкоголя, табачных изделий, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. (Прим. перев.)]. Сомневаюсь, что моя племянница способна вообще кому-то подчиняться, в том числе и мне.

– Как хорошо вернуться домой, – замечаю я.

– В том-то и проблема с такого рода учреждениями, которые, кто бы там что ни говорил, по сути одновременно и гражданские, и военные, подпадают под местную и федеральную юрисдикцию да еще имеют академические связи. Ни то ни се. Штатные работники не понимают, как им вести себя, и не могут удержаться в рамках, даже если и представляют себе, какими пределами ограничены. Я давно тебя об этом предупреждала.

– Предупреждений не помню. Помню только указания.

– Давай переключимся на частоту Лейкхерста и перейдем на ПВП[18 - ПВП – правила визуальных полетов. (Прим. перев.)], – решает Люси. – Нас уже отнесло на запад, а теперь еще и боковой ветер отнимет узлов двадцать, так что как бы не пришлось ночевать в Харрисберге или Аллентауне.

5

Лопасти поднимают ветер, и подхваченные им снежинки вьются и кружатся, как обезумевшая мошкара, в свете посадочных прожекторов. Мы садимся на деревянную площадку. Полозья осторожно касаются земли и тут же тяжело раздвигаются под весом машины. От контрольного пункта к нам приближаются четыре пары фар. Медленно переползая через аппарель, они выхватывают из темноты падающий снег. Я узнаю силуэт зеленого «порше» Бентона, потом «субурбан» и «рейнджровер», оба черные. Четвертый автомобиль, элегантный темный седан с хромированной радиаторной решеткой, мне незнаком. Люси и Марино приехали, должно быть, раздельно и, что вполне разумно, оставили машины на служебной стоянке. Моя племянница всегда прибывает в аэропорт заблаговременно, чтобы подготовить вертолет к полету и самой проверить все узлы и системы, от питометра на носу до стрингера на хвостовой балке.
Я давненько не видела ее такой сосредоточенной и серьезной и теперь, пока мы

сидим и ждем, когда она все закончит, пытаюсь вспомнить, при каких обстоятельствах это было в последний раз, чтобы, оттолкнувшись от них, постараться понять, что происходит. Сама Люси конечно же ничего не скажет.

Она вообще никогда ничего не говорит, если это не вписывается в ее глобальный план, и вытянуть из нее информацию невозможно, пока она сама не будет готова ее предложить, чего не случается в экстремальных ситуациях. Скрытность – ее способ существования. Люси гораздо комфортнее быть кем-то, чем собой. Так повелось с ранних лет. В секретности она черпает силу, риск и опасность дают ей энергию. Чем реальнее угроза, тем для нее лучше. Пока что она рассказала мне лишь о том, что странный механизм в квартире мертвеца – это забытая модель пэкбота, разработанного на деньги АПИ робота, предназначавшегося для эвакуации пострадавших с поля боя, этакий механический Мрачный Жнец[19 - «Мрачный Жнец» – юмористическое фэнтези английского писателя Терри Пратчетта (1991).]. Несколько лет назад я отчаянно боролась с этим бесчувственным и абсолютно неуместным чудовищем, но даже и сам любопытный факт присутствия РЭБПа в квартире мертвеца не объясняет загадочного поведения Люси.

Когда еще она пугала меня так сильно? Не просто пугала – такое случалось не раз, – но до такой степени, что я всерьез опасалась, как бы она не загремела в тюрьму? Пожалуй, лет семь или восемь назад, после возвращения из Польши, куда ее посылали с некой секретной миссией, связанной каким-то образом с Интерполом. Подробности этой операции до сих пор остаются неясными. Может быть, Люси и рассказала бы что-то, если бы я надавила посильнее, но давить я не хочу. Уж лучше пребывать в неведении. Мне вполне достаточно и того, что я знаю. Даже более чем достаточно. Я бы никогда не сказала этого, если бы дело касалось чувств Люси, ее здоровья или общего благополучия, потому что она бесконечно дорога мне. Но что касается некоторых загадочных аспектов ее образа жизни, это не будоражит моего любопытства. Ради ее блага, да и моего собственного тоже, я никогда не стану расспрашивать ее о некоторых деталях и подробностях. Есть истории, слушать которые мне совершенно не хочется.

В последний час полета моя племянница становилась все более озабоченной, нетерпеливой и бдительной. Причем ее бдительность обладала особыми свойствами. Бдительность – это то оружие, которое она вытаскивает, когда ощущает угрозу и переключается в особый режим, немного меня пугающий. В Оксфорде, штат Коннектикут, где мы останавливались для дозаправки, она ни

на секунду не оставляла вертолет без присмотра. Лично проследив за заправкой с автоцистерны, Люси заставила меня стоять на холодном ветру, пока сама бегала в сервисный центр, чтобы расплатиться. Что касается Марино, то он права нести, как она выразилась, караульную службу не заслужил. По ее словам, когда они утром, по пути в Довер, заправлялись в Уилмингтоне, он так разболтался по телефону, что совсем забыл о безопасности и даже не замечал, что происходит у него под носом.

Наблюдая за ним из окна станции, она видела, как Марино расхаживает по площадке, прижав к уху телефон, жестикулируя и, несомненно, расписывая Бриггсу во всех подробностях, как человек, считавшийся мертвым и помещенный в холодильную камеру, вдруг оказался живым. За все время, докладывала мне Люси, Марино даже ни разу не посмотрел в сторону вертолета и не обратил внимания на другого пилота, который, подойдя к их машине, не только осмотрел ее, но и заглянул в кабину, а потом, присев, долго рассматривал систему ночного видения FLIR и поисковый прожектор «найтсан». Марино и в голову не пришло, что дверцы не заперты, что топливный бак открыт и что добраться до жизненно важных органов вертолета – трансмиссии, двигателя, редуктора – проще простого, нужно всего лишь нажать на защелки.

А дальше – еще проще. Немного воды в топливный бак, срыв пламени и самовыключение двигателя. Или можно добавить чего-то – дорожной пыли, масла или воды – в гидравлическую жидкость, и система управления выйдет из строя, как случается и с автомобилем, но только на вертолете все немного серьезнее, потому что под тобой две тысячи футов пустоты. Если же требуется устроить настоящий переполох, подсыпь чего-нибудь в гидравлическую жидкость и топливо, и тогда тебе гарантированы и отказ двигателя, и одновременный выход из строя гидравлики. Все это Люси описывала с жуткими подробностями, пока мы летели, отключив от связи Марино. Совсем плохо, объясняла она, если такое случится в темноте, когда вынужденная посадка становится очень нелегким делом. В таком случае пилоту остается только надеяться на то, что под ним нет ни деревьев, ни линии электропередачи, ни каких-либо других препятствий.

Больше всего, конечно, Люси боится взрывного устройства. Она просто одержима взрывчатыми веществами вообще и тем, как эти вещества используются и кто их использует против нас, включая правительство Соединенных Штатов, которое применит все, что потребуется, если это будет отвечать его интересам. Вот так я сидела и слушала, все глубже погружаясь

в депрессию, пока моя племянница распиналась о том, как «элементарно» заложить бомбу, сунув ее под багаж или коврик сзади, чтобы взрывом уничтожило расположенный под задними сиденьями главный топливный бак. И вот тогда вертолет превращается в настоящий крематорий, закончила Люси, повернув ход моих мыслей к тому солдату в бронемашине и его несчастной матери, обвинявшей меня по телефону. На протяжении всего полета каждое описываемое племянницей несчастье отзывалось в моем воображении соответствующей ассоциацией, вызывало яркие примеры из моих прошлых дел. Я знаю, как люди умирают. Знаю, что случится со мной, если я умру.

Люси выключает дроссель, и, как только лопасти останавливаются, дверца автомобиля Бентона открывается. Свет внутри гаснет. Темно и в двух других внедорожниках. У полицейских и федеральных агентов, даже бывших, свои причуды. Они никогда не садятся спиной к дверце. Не любят пристегиваться ремнями безопасности. И предпочитают не включать внутреннее освещение в машине. Их приучили избегать засад и всего того, что может воспрепятствовать быстрому отступлению. Они стараются по возможности не становиться освещенными мишенями. И они всегда начеку, всегда настороженны, хотя и не так бдительны, как Люси в последние несколько часов.

Бентон подходит к посадочной площадке и ждет, сунув руки в карманы черного замшевого пальто, которое я подарила ему много лет назад на Рождество. Ветер треплет его седые волосы. Высокий и подтянутый, он стоит неподвижно на фоне разыгравшейся снежной ночи. Черты лица в неверных движениях тени и света кажутся особенно резкими. Каждый раз, когда мы встречаемся после долгого расставания, я смотрю на него, словно на незнакомца, и каждый раз меня влечет к нему с той же силой, что и тогда, в Вирджинии, когда я только-только получила должность и стала первой женщиной в Америке, возглавившей Службу судебно-медицинской экспертизы. А он в это время уже был легендой в ФБР, звездным профайлером и начальником того, что называлось тогда отделом поведенческих структур в Квантико. Он вошел в конференц-зал, и я вдруг разнервничалась и почувствовала себя очень неуверенно, хотя это и не имело никакого отношения к серийным убийствам, расследованием которых мы тогда занимались.

– Знаешь этого парня? – спрашивает Бентон, когда мы обнимаемся при встрече. Он легко касается губами моих губ, я ловлю лесной аромат лосьона и на мгновение прижимаюсь щекой к мягкой коже пальто.

Я смотрю на мужчину, только что вышедшего из седана, темно-синего или черного «бентли» с глухо ворчащим могучим двигателем. Высокий, грузный, с отвисшим подбородком и редеющими волосами, которые нещадно треплет ветер. На нем длинное пальто с высоко поднятым воротником, руки в перчатках. Вежливо остановившись в сторонке, он напоминает невозмутимого шофера лимузина. Похоже, его больше интересует Бентон.

– Должно быть, ждет кого-то еще, – говорю я.

Незнакомец смотрит на вертолет и снова на Бентона.

– Или что-то перепутал.

– Я могу вам помочь? – Бентон подходит к нему.

– Я ищу доктора Скарпетту.

– И зачем вы ищете доктора Скарпетту? – Тон у Бентона дружелюбный, но твердый, и раскрывать карты он не торопится.

– Меня послали сюда с передачей и инструкциями, согласно которым доктор Скарпетта должен быть на вертолетной площадке. Вы ведь состоите на службе? Может быть, в Министерстве национальной безопасности? Я вижу FLIR, прожектор, специальное оборудование. Все самое современное. Какая у него скорость?

– Я могу быть вам полезен?

– Мне нужно передать кое-что лично доктору Скарпетте. Это вы? Меня проинструктировали, и я должен попросить у вас удостоверение личности. – Шофер наблюдает, как Люси и Марино выгружают мои вещи из пассажирского и багажного отделений. Я его не интересую, пока он удостоил меня лишь беглым взглядом. Для него я жена высокого симпатичного мужчины с седыми волосами. Незнакомец думает, что доктор Скарпетта – это Бентон и вертолет принадлежит ему.

– Давайте поторопимся, а то вот-вот разыграется пурга, – предлагает Бентон и направляется к «бентли». Шоферу не остается ничего иного, как следовать за ним. – Я слышал, метеорологи обещают от шести до восьми дюймов, но похоже, выпадет больше. Ну и зима. А вы откуда? Не здешний, так ведь? Откуда-то с юга. Думаю, из Теннесси.

– Неужели заметно? Я ведь здесь уже двадцать семь лет. Придется еще поработать, чтобы говорить, как янки. Я из Нашвилла. Служил на Шестьдесят шестой авиабазе и уезжать не планировал. Я не пилот, но управляю аппаратом хорошо. – Шофер открывает дверцу и заглядывает внутрь. – Вы сами летаете? Я в вертолете даже не сидел ни разу. Сразу понял, что машина не армейская. Но если вы из ЦРУ, то, конечно, ничего мне не расскажете.

Я стою там, где оставил меня Бентон, и жду. Понимаю, что идти за ним к «бентли» нельзя, но и садиться в машину не хочу. Кто этот человек? О какой передаче он говорил? Как узнал, что доктор Скарпетта будет в Ханскоме, то ли прилетит на вертолете, то ли приедет встречать? И время…

Первым на ум приходит Джек Филдинг. Он мог знать и маршрут, и время прибытия. Я проверяю айфон. Анна и Олли ответили на мои сообщения и уже ждут нас в ЦСЭ. А вот от Филдинга ничего нет. Что с ним такое? Похоже, что-то серьезное. А может быть, привычная для него безответственность, безразличие, психологическая неустойчивость. Надеюсь, у него все в порядке, он не болен и не ругается с женой. Я вижу, как Бентон кладет что-то в карман пальто и направляется к внедорожнику. Это его сигнал мне – садись и не задавай вопросов. Он спокоен, не напряжен и с шофером разговаривал вполне дружелюбно, но в разговоре, похоже, проявилось что-то, что ему не понравилось.

– В чем дело? – спрашиваю я, захлопнув дверь. Марино открывает багажник и начинает загружать мои вещи.

Бентон включает обогрев, но не отвечает. Марино подходит к моей дверце и стучит пальцем по стеклу.

– Это кто еще такой? – Он смотрит в сторону «бентли». Снег уже покрывает козырек бейсболки и тает на его очках.

– Сколько человек знали о том, что вы с Люси собирались сегодня в Довер? – Бентон поворачивается к Марино.

– Генерал. Капитан… как ее там… Аваллон, когда я звонил и пытался передать сообщение доку. Ну и несколько человек в нашем офисе. А что?

– И больше никто? Может, ты разговаривал с кем-то из кембриджской полиции или «скорой»?

Марино, задумавшись, молчит. На его лице тень сомнения. Он не уверен, говорил кому-то что-то или нет. Пытается вспомнить, прикидывает. Если он и сморозил глупость, признаваться в этом не хочет – ему уже не раз указывали на несдержанность и болтливость. Слушать новые укоры в свой адрес Марино не желает. С другой стороны, информация о том, что они с Люси летят за мной в Делавэр, большим секретом не являлась, и требовать от него соблюдения каких-то особых мер предосторожности было бы несправедливо. Из того, где я нахожусь, никто тайны не делал, все все знали, что я вернусь завтра.

– Если кому-то и сказал, большой беды в этом нет. – Бентон, похоже, думает о том же. – Я просто пытаюсь выяснить, откуда посыльный узнал, что вертолет будет именно здесь, вот и все.

– Что же это за посыльный такой, на «бентли»? – интересуется Марино.

– Такой, что знал не только ваш маршрут, но и бортовой номер вертолета, – отвечает Бентон.

– Черт бы побрал этого Филдинга. Что он вообще думает? Облажался по полной. – Марино снимает свои старые, в проволочной оправе очки, но вытереть стекла ему нечем. Без них его лицо выглядит непривычно голым и незнакомым. – Я говорил кому-то, что ты, скорее всего, вернешься сегодня, а не завтра. Это к тому, что да, кое-кто знал. Из-за проблемы с тем парнем, у которого открылось кровотечение. – Он смотрит на меня и мрачно добавляет: – Но Филдинг точно знал все твои планы и бортовой номер вертолета, потому что и сам в нем бывал. Тебе просто не все еще известно.

– Об этом поговорим позже, – останавливает его Бентон.

– Он тебя подставляет, – продолжает Марино.

– Сейчас не время. – В голосе Бентона слышны предостерегающие нотки.

– Метит на твое место. Или, может, не хочет, чтобы ты его занимала. – Марино снова смотрит на меня, потом сует руки в карманы кожаной куртки и отступает от окна. – Добро пожаловать домой, док. – Снежинки залетают в окно, ложатся на лицо и шею и тают, холодя кожу. – Неплохо бы помнить, кому тут можно по-настоящему доверять. – Он еще раз смотрит на меня, и я поднимаю стекло.

Маячки мигают красным и белым на законцовках крыльев припаркованных самолетов. Мы медленно направляемся к только что открывшимся воротам. «Бентли» проезжает первым, остальные следуют за ним, и я замечаю, что на табличке с массачусетским номером нет слова «прокат», и это означает, что машина не принадлежит компании, предоставляющей в аренду лимузины. Ничего удивительного. «Бентли» не самый распространенный автомобиль, особенно здесь, где люди небогаты и консервативны. Даже те, которые летают на частных самолетах. «Бентли» и «роллс-ройсы» встречаются не часто, большинство предпочитают «тойоты» и «саабы». Мы проезжаем мимо офиса ФБО, одной из нескольких служб обеспечения полетов на гражданской стороне летного поля. Я кладу руку на мягкий замшевый карман, не касаясь выступающего края кремового конверта.

– Не хочешь рассказать, что случилось? – Похоже, посыльный все же отдал конверт.

– Никто не должен знать, что ты прилетела сюда или что ты можешь быть здесь. Никто не должен знать ничего ни о тебе лично, ни о твоем местонахождении. Точка. – Голос у Бентона жесткий, лицо суровое. – Очевидно, она позвонила в ЦСЭ, и Джек все рассказал. Она определенно звонила туда и раньше, а кроме Джека больше ведь некому?

Бентон не столько спрашивает, сколько констатирует, а я даже не представляю, о ком идет речь.

– Одного не пойму, почему Джек – или кто-то еще – вообще с ней разговаривал, – продолжает Бентон, но о чем бы он ни говорил, я не верю, что он чего-то не

понимает. Его тон предполагает что-то совершенно иное. Он даже нисколечко не удивлен.

– Кто? – спрашиваю я. – Кто звонил в ЦСЭ?

– Мать Джонни Донахью. Ясно же, что это ее шофер. – Он кивает в сторону идущей впереди машины.

«Дворники» со скрипом скребут по стеклу, сметая снежную кашицу. Я смотрю на задние габаритные огоньки «бентли» и пытаюсь осмыслить сказанное Бентоном.

– Надо посмотреть, что там такое.

– Это улика. Вещественное доказательство. И изучать его нужно в лаборатории.

– Я должна знать, что это.

– Я закончил сегодня эвалюацию, – напоминает Бентон. – И знаю, что мать Джонни несколько раз звонила в ЦСЭ.

– Откуда ты знаешь?

– Джонни сказал.

– Тебе сказал что-то пациент психиатрического отделения. Действительно, надежная информация.

– Я провел с ним в общей сложности почти семь часов и не верю, что он кого-то убил. Я вообще многому не верю. Но, судя по тому, что мне известно, его мать действительно звонила в ЦСЭ.

– Неужели она думает, что мы станем обсуждать с ней дело Марка Бишопа?

– В наше время люди полагают, что любая информация является общественным достоянием, и у них есть право ее знать. – Такого рода обобщения совсем не в духе Бентона, и его вывод, основанный на ничем не подкрепленном

предположении, представляется мне попыткой уйти от прямого ответа. – У миссис Донахью тоже проблема с Джеком, – добавляет он, и теперь уже я склонна ему верить.

– Джонни сказал тебе, что у его матери какая-то проблема с Джеком. А с чего бы это ей составлять о нем свое мнение?

– Мне пока еще не все понятно. – Бентон не сводит глаз с заснеженной дороги. Метет все сильнее, снег врывается в свет фар и бьется о стекло.

Я знаю, когда Бентон что-то от меня скрывает, и обычно ничего не имею против. Обычно, но не сейчас. Меня так и тянет достать конверт из его кармана и посмотреть, на что именно кто-то, предположительно миссис Донахью, хочет открыть мне глаза.

– Ты встречался с ней? Разговаривал?

– Пока что мне удавалось ее избегать, хотя она и звонила несколько раз в госпиталь, пытаясь меня найти. Сейчас не самое подходящее время для разговора с ней. Да и вообще, еще рано о чем-то говорить. Ты же понимаешь.

– Если Джек или кто-то другой поделился с ней какой-то информацией, ситуация такая, что серьезней некуда. Я понимаю – или думаю, что понимаю, – твое нежелание говорить об этом, но у меня есть право знать, сделал он то, в чем признался, или нет.

– Я не знаю, что тебе известно. Не знаю, что рассказал тебе Джек.

– О чем именно?

Я не хочу признаваться Бентону и еще больше самой себе, что не помню точно, когда разговаривала с Джеком в последний раз. Наши разговоры, когда случались, были короткими и по большей части формальными, а в тот единственный раз, когда я приехала домой на праздники, встретиться с ним не получилось. Он уезжал куда-то, вроде бы с семьей. Делиться со мной деталями личной жизни Джек Филдинг перестал много месяцев назад.

– Об этом деле. Деле Марка Бишопа, – говорит Бентон. – Например, обсуждал ли Джек с тобой что-то, когда это случилось?

В субботу 30 января шестилетний Марк Бишоп играл на заднем дворе своего дома в Салеме, примерно в часе езды отсюда, когда кто-то всадил ему в голову несколько гвоздей.

– Нет, Джек не говорил со мной об этом.

Во время убийства я находилась в Довере, и этим случаем, что было совершенно нехарактерно для него, занялся Филдинг. Прежде он никогда не работал с детьми, но теперь почему-то поступил вопреки обыкновению, и для меня это стало полной неожиданностью. Раньше он, узнав, что в морг везут ребенка, неизменно старался отвертеться, отлучиться куда-нибудь. Теперь я жалею, что не вернулась тогда домой, не поддалась порыву. Надо было сделать так, как подсказывал внутренний голос, но я не захотела поступать со своим заместителем так, как когда-то поступил со мной Бриггс. Не захотела, чтобы он подумал, будто я ему не доверяю.

– Я внимательно ознакомилась с делом, но с Джеком мы его не обсуждали, хотя я и подчеркнула, что, если возникнет необходимость, буду готова помочь. – Ловлю себя на том, что защищаюсь, а такое положение мне никогда не нравилось. – Строго говоря, Бишопом занимался Филдинг. Меня здесь не было. – Не могу остановиться. Знаю, что мои аргументы слабы, что я как будто пытаюсь оправдаться, и оттого злюсь на себя еще сильнее.

– Другими словами, поделиться деталями Джек не старался, – констатирует Бентон. – И не поделился.

– Не забывай, где я была и что делала.

– Я не говорю, что виновата ты.

– В чем виновата? И что ты имеешь в виду, говоря о «деталях»?

– Я хочу знать, расспрашивала ли ты Джека о деле Бишопа. Может быть, он избегал обсуждать его с тобой.

– Ты же знаешь, каким бывает Филдинг, когда дело касается детей. В тот раз я написала ему, что этим случаем может заняться другой медэксперт, но он взялся за него сам. Я немного удивилась, но этим все и кончилось. Со всеми отчетами я ознакомилась: полицейскими, лабораторными, самого Филдинга.

– Получается, о том, что сейчас происходит, ты ничего не знаешь.

– Получается, как ты даешь понять, что не знаю.

Бентон молчит.

– Не знаю, что происходит в самое последнее время? Ты имеешь в виду признание Донахью? – Я предпринимаю еще одну попытку. – Разумеется, я в курсе всего, что говорилось в новостях. Еще бы, студент Гарварда признался в таком убийстве. Но ты ведь клонишь к тому, что есть некие детали, о которых мне ничего не сказали.

Бентон снова молчит. Представляю, как Филдинг разговаривает с матерью Джонни Донахью. Возможно, он и рассказал ей, где меня можно найти сегодня вечером, и она отправила с письмом своего шофера, который, похоже, так и не понял, что доктор Скарпетта – женщина. Смотрю на черное пальто и в темноте различаю в кармане кремовый краешек конверта.

– Зачем кому-то в твоем офисе разговаривать с матерью человека, признавшегося в преступлении? – Вопрос Бентона звучит скорее как утверждение. Риторически. – Никакой информации о том, что ты уезжаешь из Довера именно сегодня, в прессу не просочилось. Может быть, утечка связана с другим делом? – Он имеет в виду дело парня, умершего в Нортон’с-Вудс. – Может быть, есть какое-то иное, логическое, объяснение ее осведомленности. Никак не связанное с Джеком. Я пытаюсь не замыкаться на одной версии.

По-моему, ничего такого Бентон не пытается. Он уже уверовал, что именно Филдинг рассказал обо мне миссис Донахью. Но почему? Представить не могу. Разве что прав Марино, и мой заместитель хочет, чтобы я лишилась работы.

– Мы оба знаем ответ. – Я слышу уверенность в собственном голосе и понимаю, насколько сама убеждена в виновности Филдинга. – В новостях ничего такого не сообщали. И даже если миссис Донахью каким-то образом проведала о моем

возвращении, это никак не объясняет тот факт, что она знает бортовой номер вертолета Люси, время и место прибытия.

Бентон поворачивает к Кембриджу. Снежинки мельчают, но метет сильнее. Ветер налетает порывами, бьется о внедорожник, норовит столкнуть; ночь переменчива и вероломна.

– С другой стороны, шофер принял тебя за меня. Я это поняла по тому, как он обращался к тебе. Он думал, что ты – доктор Скарпетта. А ведь миссис Донахью наверняка известно, что я – не мужчина.

– Трудно сказать, что именно она знает. В деле ее сына медэксперт не ты, а Филдинг. И с формальной точки зрения ты не имеешь к нему никакого отношения. Строго говоря, ты не несешь никакой ответственности.

– Я – главная, а значит, отвечаю за все. По большому счету все дела в Массачусетсе, подлежащие медицинской экспертизе, мои. И ко всем я имею отношение.

– Я имел в виду вовсе не это, но все равно рад, что ты так говоришь.

Разумеется, он имел в виду не это. А что? Лучше не думать. Меня здесь не было. Предполагалось, что я, находясь в Довере, буду одновременно обеспечивать работу ЦСЭ. Может быть, задача с самого начала ставилась нереальная. Может быть, меня подставляли намеренно, рассчитывая на провал.

– С самого начала, когда ЦСЭ только открылся, ты держалась невидимкой. В новостях о тебе ничего не говорили.

– Так и задумывалось, – отвечаю я. – В армии публичность не приветствуется.

– Конечно, так и задумывалось. Я тебя не виню.

– Задумывалось Бриггсом. – Я озвучиваю то, к чему, как подозреваю, и ведет Бентон.

Бриггсу он не доверяет. И никогда не доверял. Я всегда списывала это на ревность. Бриггс – человек влиятельный и опасный, а Бентон утратил свое влияние после ухода из ФБР. К тому же у нас с Бриггсом общее прошлое. Он один из немногих в моей жизни людей, кто вошел в нее до Бентона. Иногда кажется, что я познакомилась с Джоном Бриггсом, едва повзрослев.

– В армии не хотели, чтобы ты давала интервью о Центре или рассказывала публично о Довере до учреждения ЦСЭ и окончания твоей командировки, – продолжает Бентон. – Тебя на какое-то время отодвинули в тень. Вспоминаю, когда ты в последний раз появлялась на Си-эн-эн. Получается, по меньшей мере год назад.

– Предполагалось, что именно сегодня я выйду из тени. И обстоятельства сложились так, что Си-эн-эн отменили. Отменили в третий раз. Ровно столько же откладывалось мое возвращение.

– Да, совпадения. Много совпадений.

Может быть, это Бриггс умышленно скомпрометировал меня. Какой блестящий план – готовить меня к большой, самой большой в моей карьере работе и при этом делать так, чтобы меня забыли. Делать из меня невидимку. Лишить голоса. И в конце концов избавиться от меня. Сама эта мысль шокирует. Нет, все-таки не верю.

– Кто подстроил эти совпадения, вот что тебе нужно знать. И я вовсе не утверждаю, что Бриггс сделал что-то в духе Макиавелли. Бриггс – не весь Пентагон. Он – просто винтик в очень большой машине.

– Я знаю, что тебе не нравится Бриггс.

– Мне не нравится машина. Она везде и повсюду. Это нужно понимать, чтобы не дать ей пережевать тебя и выплюнуть.

Снежинки щелкают и прыгают по стеклу. Мы проезжаем по открытой местности и через густой лес, а когда минуем мост, слышим, как справа с силой бьется о парапет вода. Температура, должно быть, упала; снег мелкий и колючий. Вырываясь из одного погодного кармана, мы попадаем в другой, и от этих перемен мне становится неспокойно, тревожно.

– Миссис Донахью знает, что у Филдинга есть босс, главный медэксперт и директор Центра судебно-медицинских экспертиз, некто доктор Скарпетта, – рассуждает Бентон. – Она должна это знать, если решилась обратиться к тебе лично. Но возможно, ничего больше она и не знает, – констатирует Бентон, предлагая свое объяснение случаю в аэропорту.

– Давай посмотрим, что здесь. – Я хочу заглянуть в конверт.

– Его нужно отдать в лабораторию.

– Она знает, что Скарпетта – босс Филдинга, но не знает, что я – женщина. – Звучит нелепо, но не невероятно. – Но ведь достаточно открыть Интернет и вбить в строку поиска мое имя.

– Интернетом пользуются не все.

Я постоянно забываю, что в мире полно людей, абсолютно неискушенных в технических премудростях. В том числе и среди тех, у кого есть шофер и «бентли». Его задние огни становятся все меньше и меньше, они уже далеко впереди на неширокой двухполосной дороге. Для такой погоды «бентли» идет уж слишком быстро.

– Ты показал ему свое удостоверение? – спрашиваю я.

– А как ты думаешь?

Конечно, не показал.

– Значит, он так и не понял, что ты – не я.

– По крайней мере, по тому, что я делал и говорил, он этого понять не мог.

– Значит, миссис Донахью так и будет считать, что босс Филдинга – мужчина. Странно, что Джек, сообщив ей, где меня найти, не дал никаких дополнительных разъяснений и даже не сказал, что я – женщина. Пусть не прямо. Странно. Не знаю… – Я вовсе не уверена, что мы правильно все просчитали. Что-то здесь не

складывается.

– Я и не думал, что у тебя столько сомнений насчет Филдинга. Хотя они все небезосновательны. – Бентон пытается вытянуть меня на откровенность. В нем снова проснулся агент ФБР. Давненько же я не видела его таким.

– Только не говори, что мне следовало понять его раньше. Пожалуйста, – с чувством прошу я. – Сегодня с меня довольно.

– Я говорю, что не думал…

– А у меня не было ничего, кроме смутных опасений и неясных подозрений. У меня не было достаточных оснований для чего-то большего, чем обычное беспокойство. – Говоря так, я прошу Бентона поделиться информацией, если она у него есть, и не вести себя как полицейский или практикующий психотерапевт. Не закрывайся, говорю я ему.

Но он уже закрылся и молчит. Смотрит прямо перед собой, сосредоточившись на дороге. Я же смотрю на него и вижу резкий профиль в тусклом свете приборной доски. Так у нас было и есть. Мы старательно обходим запретные темы. Мы исполняем ритуальные пляски вокруг секретов и тайн. Иногда лжем. Сначала мы еще и обманывали, потому что Бентон был женат. Мы оба умеем обманывать. Это не предмет для гордости, и я не хочу, чтобы так продолжалось в силу профессиональной необходимости. Особенно сейчас. Бентон ведет обычную игру, а мне нужна правда.

– Послушай, мы оба знаем, что он за человек. И да, я держалась в тени со времени открытия ЦСЭ. Я жила в вакууме и изо всех сил старалась держать руку на пульсе всех дел, работая по восемнадцать часов и зачастую не имея даже возможности поговорить с подчиненными по телефону. Я почти никого не видела, общалась большей частью через электронную почту. Да, мне ни при каких обстоятельствах не следовало оставлять Джека главным. Я приняла его обратно, а потом сама уехала из города, фактически подготовив то, что теперь и случилось. Ты сам сказал мне это, и ты не единственный.

– Ты ведь всегда отказывалась верить, что Джек – источник серьезных проблем. – Бентон говорит это таким тоном, что мне еще больше становится не по себе. – А он доставлял их и раньше. Иногда мы просто не желаем признавать

правду из-за недостатка улик. Кей, ты уже давно необъективна, когда дело касается Филдинга. И я не уверен, что понимаю причины такого отношения.

– Ты прав. Мне и самой это не нравится. – Я откашливаюсь и немного успокаиваюсь. – Мне очень жаль.

– Даже не знаю, смогу ли когда-нибудь разобраться во всем этом. – Он на мгновение отрывает взгляд от дороги. Шоссе заметено снегом, и мы на нем одни, прорываемся сквозь вьюжную тьму. «Бентли» уже не видно. – Я тебя не виню.

– Он постоянно ломает себе жизнь и прибегает ко мне за помощью.

– В том, что он ломает себе жизнь, твоей вины нет. Разве что ты не все мне рассказала. И вообще, что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата. Люди сами ломают себе судьбы и прекрасно справляются без посторонней помощи.

– Это не совсем так. Джек не виноват в том, что случилось с ним в детстве.

– Но и ты в этом тоже не виновата, – говорит Бентон таким тоном, словно ему о прошлом Филдинга известно больше, чем мне, словно он знает что-то еще, кроме того немногого, что я ему рассказала. Я никогда не давила на своих подчиненных, тем более на Филдинга. Зная о его детских трагедиях, я стараюсь избегать неприятных для него тем.

– Звучит, конечно, глупо, – добавляю я.

– Не глупо, нет. Просто это драма из разряда тех, что неизменно заканчиваются одинаково. Я никогда не понимал, почему ты так с ним носишься. У меня постоянно возникало чувство, будто что-то случилось. Что-то, о чем ты мне не сказала.

– Я рассказываю тебе все.

– Мы оба знаем, что это не так.

– Может, мне лучше ограничиться общением с мертвецами. – Я слышу нотку горечи в своем голосе. Обида просачивается через барьеры, которые я так старательно возводила едва ли не всю жизнь. Может быть, я просто разучилась жить без них. – С покойниками у меня никаких проблем не возникает.

– Не говори так, – едва слышно произносит Бентон.

Это все из-за усталости, убеждаю я себя. Из-за утреннего происшествия, когда мать погибшего чернокожего солдата накричала на меня по телефону, обругала и обвинила в том, что я следую не «золотому правилу»[20 - Поступайте с другими так, как хотите, чтобы поступали с вами.], а «правилу белых». Из-за разговора с Бриггсом. Возможно, именно он меня и подставил, потому что хочет убрать.

– Дурацкие стереотипы, – бормочет Бентон.

– А знаешь, в стереотипах есть очень любопытная черта: они обычно на чем-то основываются.

– Не говори так, – повторяет Бентон.

– Никаких проблем с Джеком больше не будет. Все скоро закончится, обещаю. Если только он не закончил все сам, просто-напросто бросив работу. Раньше с ним такое случалось. Мне придется его уволить.

– Он – не ты. Никогда не был и никогда не будет. И он не твой ребенок. – Бентон думает, что все вот так просто. Ох, если бы…

– Ему придется уйти, – повторяю я.

– Ему сорок шесть, а он так и не оправдал твоего доверия. Ты столько для него сделала…

– Все. Я с ним закончила.

– Боюсь, что так. Тебе придется его отпустить. – Тон у Бентона такой, словно решение уже принято, и мое мнение никого не интересует. – Не понимаю, из-за

чего ты чувствуешь себя виноватой? – И в его голосе, и в выражении лица, и в поведении есть что-то, чему я не могу дать определение. – Из-за прошлого? Тех далеких дней, когда вы с ним только начинали это дело в Ричмонде? Почему ты его жалеешь?

– Извини, что создала так много проблем. – Я уклоняюсь от ответа. – Мне очень жаль, что я так всех подвела. Что не оказалась здесь в нужное время. Не могу даже выразить, как мне жаль. Ответственность за Джека лежит на мне, но больше я отвечать за него не намерена.

– Есть вещи, за которые ты не можешь нести ответственность. Вещи, которые случаются не по твоей вине. Я постоянно напоминаю об этом, но ты все равно упрямо считаешь себя виноватой, – говорит мой муж-психолог.

Я не собираюсь обсуждать, в чем виновата, а в чем нет, потому что не могу объяснить причину своей иррациональной верности Джеку Филдингу. После возвращения из Южной Африки именно он стал моей епитимьей, моим общественным долгом, наказанием, к которому я себя приговорила. Я возилась с ним, как будто отмаливала все прошлые грехи.

– Хочу взглянуть. И не беспокойся, я знаю, как обращаться с письмом, чтобы не оставить на нем следов и сохранить его как улику. Мне нужно посмотреть, что пишет миссис Донахью.

Осторожно, взяв за уголки, вытаскиваю конверт из кармана и вижу, что клапан аккуратно заклеен серой клейкой лентой, частично скрывающей адрес, написанный старинным шрифтом с засечками. Указанная в адресе улица находится в бостонском районе Бикон-Хилл, вблизи Паблик-Гарден и неподалеку от того места, где у Бентона был особняк, которым его семья владела на протяжении многих поколений. На лицевой стороне надпись «Доктору Кей Скарпетте, лично», сделанная перьевой ручкой. Я осторожно поворачиваю конверт, зная, как важно не дотрагиваться ни до чего, особенно до клейкой ленты, голыми пальцами. Такая лента – отличный источник для отпечатков пальцев, ДНК и микрочастиц. Латентные отпечатки на пористых поверхностях вроде бумаги можно выявить с помощью такого реагента, как нингидрин.

– Может, у тебя нож под рукой найдется. – Я кладу конверт на колени. – И мне придется воспользоваться твоими перчатками.

Бентон наклоняется и открывает бардачок, в котором обнаруживаются многолезвийный нож «лэзермен», фонарик и пачка салфеток. Из карманов пальто он достает пару кожаных перчаток, в которых мои руки тонут. Зато я не оставлю следов и ничего не испорчу. Видимость плохая, так что я не включаю лампочку для чтения дорожной карты, а подсвечиваю себе фонариком. Просовываю лезвие под клапан в уголке конверта, вскрываю и вытряхиваю два сложенных листка кремовой почтовой бумаги с водяными знаками, похожими на фамильный герб. В углу герб и тот же, что и на конверте, адрес. Текст полностью отпечатан на машинке, причем курсивом, чего я не видела, наверное, лет десять.

Читаю письмо вслух:

Дорогая доктор Скарпетта.

Надеюсь, вы извините меня за это обращение, которое может показаться неуместным и дерзким жестом с моей стороны. Но я мать, а отчаяние толкает на крайние меры.

Мой сын Джонни сознался в преступлении, которое, я знаю, не совершал, да и не мог бы совершить. Не стану отрицать, что в последнее время у него возникли определенные трудности, заставившие нас прибегнуть к лечению. Да, это так, но никогда прежде каких-либо серьезных проблем в его поведении отмечено не было. Ничего подобного не случилось и тогда, когда он пятнадцатилетним подростком, запуганным и одиноким, попал в Гарвард. Даже в тот период, наиболее, казалось бы, благоприятный для нервного срыва – впервые вдали от дома, не имея достаточного опыта в общении с незнакомыми людьми, не зная, как обзавестись друзьями, – с ним ничего не произошло. Он учился на удивление хорошо, вплоть до последнего осеннего семестра старшего курса, когда его личность подверглась опасным изменениям. Но он никого не убивал!

Доктор Бентон Уэсли, консультант ФБР и сотрудник Медицинского центра Маклина, хорошо знаком с прошлым моего сына и теми возрастными трудностями, пройти через которые ему пришлось. Возможно, он согласится обсудить эти детали с вами, поскольку, как мне представляется, совершенно не расположен обсуждать их с вашим помощником, доктором Филдингом. У Джонни длинная и сложная история, и мне очень хотелось бы, чтобы вы выслушали ее.

Достаточно сказать, что в понедельник его поместили в госпиталь на том основании, что сочли потенциально опасным для самого себя. Он не причинил никому никакого вреда, не было даже намека на то, что он может это сделать. И вдруг, как гром среди ясного неба, мой сын сам признается в столь жестоком и ужасном преступлении и тотчас же переводится в палату для невменяемых. Я спрашиваю вас, как возможно, что власти так поспешно поверили его нелепому и полному противоречий рассказу?

Я должна поговорить с вами, доктор Скарпетта. Мне известно, что ваша служба выполняла вскрытие того малыша, который умер в Салеме. Полагаю, имеет смысл обратиться к мнению независимого эксперта. Конечно, вы знаете о выводе, к которому пришел доктор Филдинг, – убийца заранее все продумал, тщательно спланировал хладнокровную казнь, которая явилась обрядом посвящения в культ Сатаны. Это чудовищное преступление абсолютно несовместимо с тем, что мой сын мог бы сделать по отношению к кому бы то ни было. Кроме того, он никогда не имел ничего общего с культами любого толка. Возмутительно само предположение, что пристрастие к книгам и фильмам, в которых присутствуют ужасы или сверхъестественные явления, а также темы насилия, могло подтолкнуть его к «импульсивным действиям».

Джонни страдает синдромом Аспергера. Он блестяще одарен в отдельных областях и полностью несведущ в других. У него весьма твердые привычки и распорядок, которого он неизменно и твердо придерживается. 30 января в период между завтраком и ланчем он находился в «Бисквите» вместе с близким ему человеком, необычайно одаренной аспиранткой по имени Дона Кинкейд. У них вошло в обычай проводить там каждое субботнее утро с десяти утра до часа дня. Таким образом, он никак не мог оказаться в Салеме в полдень, когда там был убит ребенок.

У Джонни есть поразительная способность запоминать и воспроизводить самые незначительные детали, и для меня совершенно ясно, что его признание есть повторение того, что ему рассказали, и того, что он сам услышал в новостях. Он, кажется, и в самом деле верит в свою виновность (по причине, которую я не могу понять) и даже заявляет, что та «колотая рана» на его левой кисти является результатом осечки пневматического молотка, который он использовал против мальчика, но это выдумка. Джонни сам нанес себе эту рану, проколов руку кухонным ножом, и этот факт стал одной из причин, по которым мы отправили его в Медицинский центр Маклина. Мой сын, как мне представляется, твердо решил понести суровое наказание за преступление, которого не совершал. При

настоящем положении вещей он достигнет желаемого.

Ниже приведены номера телефонов, по которым со мной можно связаться.
Я надеюсь на ваше сострадание и скорый ответ на мое письмо.

С искренним уважением,

Эрика Донахью.

6

Я убираю в конверт плотные листы почтовой бумаги и оборачиваю письмо салфетками из бардачка, чтобы по возможности уберечь его от повреждений в кармашке сумочки. Если я научилась чему-то, так это тому, что утерянного не воротишь. Испачкать или потерять потенциальную улику – то же самое, что разбить древнее сокровище археологической лопаткой.

– Похоже, она не знает, что мы с тобой женаты. – Вдоль дороги трепещут под ветром деревья, кружатся снежные вихри.

– Может быть, и не знает.

– А ее сын?

– Ни тебя, ни свою личную жизнь я с пациентами не обсуждаю.

Пытаюсь сообразить, как могло случиться, что Эрика Донахью не сказала своему шоферу самое главное: человек, которому он должен передать письмо, – невысокая блондинка, а не представительный мужчина с серебристыми волосами.

– Она пользуется печатной машинкой, – продолжаю рассуждать я, – и, скорее всего, печатает сама. Если человек собственноручно надписывает конверт, он вряд ли доверит кому-то напечатать письмо. Если у нее машинка, то в Интернет

она, вероятно, не выходит. Почтовая бумага с водяными знаками, перьевая авторучка, курсив – все это указывает на человека очень аккуратного, педантичного, возможно пуриста, со своими устоявшимися порядками и привычками.

– Она – музыкант, – сообщает Бентон. – Пианистка. Исполняет классическую музыку. Не разделяет увлечения хай-теком со стороны остальных членов семьи. Муж – физик-ядерщик. Старший сын – инженер в Лэнгли. Джонни, как она здесь написала, действительно невероятно талантлив. Отличный математик. Но ее письмо не может ему помочь. Лучше бы она его и не писала.

– Ты, кажется, заинтересовался им.

– Не люблю, когда все списывают на таких, как Джонни. Только потому, что он отличается от других и ведет себя не так, как остальные, его уже делают виноватым.

– Нисколько не сомневаюсь, что прокурору в Эссексе такое твое заявление не понравится. – Именно прокурор, как мне представляется, и попросил Бентона провести эвалюацию психологического состояния Джонни Донахью, но Бентон ведет себя не как консультант и определенно не как представитель службы окружного прокурора.

– Вводящие в заблуждение заявления, уклонение от зрительного контакта, ложные признания. Подросток с синдромом Аспергера и его бесконечная изоляция и поиски друзей. Такие люди обычно крайне внушаемы.

– Но зачем кому-то внушать Джонни, чтобы он взял на себя вину за жестокое преступление?

– Все, что требуется в таком случае, – это ненавязчивый намек на нечто подозрительное. Например, указание на странное совпадение: смотри, ты кричал, что поедешь в Салем, а потом там убили мальчика. Или: ты точно поранил руку, когда сунул ее в ящик и укололся о столовый нож, или это случилось как-то иначе, и ты уже не помнишь? Люди видят, что Джонни виноват, а потом и сам Джонни видит, что он виноват. Его подводят сказать именно то, что, как ему кажется, хотят услышать люди, и поверить в то, чему, как ему кажется, они хотят верить. Он не понимает последствий такого поведения.

Люди с синдромом Аспергера, особенно тинейджеры, согласно статистике, составляют самую большую группу невиновных, арестованных и осужденных за преступления.

Снежинки вдруг становятся большими, похожими на подхваченные ветром белые лепестки кизила. Бентон легонько придавливает педаль тормоза.

– Может, стоит съехать на обочину. – Дороги не видно, и свет фар теряется в окружающем нас белом вихре.

– Просто какой-то погодный бластер. – Он наклоняется вперед, всматривается в даль, а внедорожник вздрагивает под сердитыми наскоками ветра. – Думаю, самое лучшее – поскорее выбраться отсюда.

– Или остановиться.

– Я вижу, на какой мы полосе. Впереди – никого. – Бентон смотрит в зеркало. – И сзади тоже.

– Надеюсь, ты прав. Я не только о снеге. Здесь все какое-то зловещее, словно нас окружают враждебные силы, словно нас предупреждают о чем-то.

– Напрасно она это сделала. Поступок эмоциональный, и, конечно, миссис Донахью руководствовалась самыми лучшими намерениями, но получилось не очень благоразумно. Пользы от письма не будет. И ты ей лучше не звони.

– Письмо придется показать полиции. Или, по крайней мере, рассказать о нем – пусть сами решают, что с ним делать.

– Она только усугубила ситуацию. – Послушать Бентона – это он все решает. – Не вмешивайся, не звони ей.

– Что такого плохого она сделала? Попыталась повлиять на медэксперта? – спрашиваю я.

– В письме есть несколько некорректных ключевых пунктов. Джонни не читает ужастики и, насколько мне известно, не ходит на такие фильмы. Эта деталь ему

не поможет. Далее. Марка Бишопа убили не сразу после полудня, а где-то ближе к четырем. Миссис Донахью, похоже, не вполне понимает значение своих показаний, желая помочь сыну.

Ветер вдруг стихает, и пурга прекращается так же внезапно, как и началась.

Мелкие и колючие, как песок, снежинки кружат над дорогой и собираются в сугробики на обочине.

– Джонни действительно был в «Бисквите» с подругой, как здесь и сказано, – продолжает Бентон, – но, по его словам, не до часа, а до двух. Судя по всему, они бывали там нередко, но какого-то строгого графика не придерживались, то есть не сидели там каждую субботу ровно с десяти до часу.

«Бисквит» находится на Вашингтон-стрит, минутах в пятнадцати от нашего дома в Кембридже. До моей командировки мы с Бентоном ходили по субботам в это небольшое кафе. Там меню было написано мелом на доске и стояли деревянные скамейки. Интересно, пересекались ли мы с Джонни и его подругой?

– Что говорит его подруга? Когда они ушли из кафе?

– Она утверждает, что поднялась из-за стола около часа пополудни и ушла, потому что он вел себя странно и уходить с ней отказался. Согласно данным ею показаниям, Джонни говорил, что собирается поехать в Салем – узнать свою судьбу, и, когда она выходила из кафе, он все еще оставался за столиком.

Значит, Бентон уже познакомился с показаниями, взятыми полицией, или, по крайней мере, знает, что говорил свидетель. Интересно. Его роль не в том, чтобы определять виновность или невиновность, но в том, чтобы решить, говорит ли пациент правду или симулирует и способен ли предстать перед судом.

– Человеку с синдромом Аспергера трудно понять концепцию предсказания по картам или чему-то подобному, – говорит Бентон, и чем больше он говорит, тем больше я запутываюсь.

Бентон ведет себя так, словно он детектив, и мы работаем вместе, но, когда речь заходит о Джеке Филдинге, начинает скрытничать. Это не случайно. Мой

муж редко проговаривается, даже если со стороны может показаться, что дело обстоит именно так. Когда Бентон думает, что я должна получить информацию, сообщить которую напрямую невозможно, он устраивает так, чтобы я сама ее вычислила. Если же мой муж решает, что мне лучше ничего не знать, помощи от него ждать не стоит. Вот так мы и живем. Могу сказать одно: скучно с ним не бывает.

– Джонни не способен мыслить абстрактно, он не понимает метафор. Он очень конкретен, – продолжает Бентон.

– А что другие посетители? Кто-то из них может подтвердить показания его подруги или заявление самого Джонни?

– Ничего более определенного они не говорят, в основном подтверждают, что Джонни Донахью и Дона Кинкейд были в кафе в субботу утром, – говорит Бентон. Не помню, чтобы видела его таким обеспокоенным после эвалюации. – Были ли такие субботние встречи чем-то вроде еженедельного ритуала, никто сказать не может. Следует помнить, что к тому времени, как Джонни выступил с признанием, прошло несколько дней. Остается только удивляться, какая у людей паршивая память и как они потом начинают не вспоминать, а гадать.

– Значит, у тебя нет сейчас ничего, кроме того, что говорит Джонни. А теперь еще есть письмо его матери. – Я повторяю то, что уже слышала. – Он утверждает, что ушел из «Бисквита» в два часа, и, следовательно, ему могло не хватить времени, чтобы добраться до Салема и совершить убийство около четырех. А вот его мать утверждает, что Джонни ушел в час, а значит, и времени у него на час больше.

– Как я уже сказал, пользы от ее письма никакого. Наоборот, оно лишь усугубляет ситуацию для Джонни. До сих пор поколебать его признание можно было лишь одним способом: показать слабость временного графика. Но дополнительный час многое меняет не в его пользу.

Я мысленно рисую картину: около часа дня Джонни поднимается из-за столика в «Бисквите» и отправляется в Салем. В зависимости от обстоятельств – плотности движения, времени отбытия из Кембриджа или Сомервилла и выезда на I-95, – он мог оказаться у дома Бишопов, в историческом районе города, к двум или половине третьего.

– У него есть машина? – спрашиваю я.

– Джонни не водит автомобиль.

– Такси? Поезд? Паром в это время года не ходит, и садиться пришлось бы в Бостоне. Но ты прав. Без машины времени на дорогу ушло бы больше. Час многое решает для человека, которому нужно найти транспорт.

– Я только не понимаю, откуда она это взяла. Может быть, он ей сказал. Может быть, Джонни снова изменил показания. Прежде он утверждал, что вышел из «Бисквита» около двух, но теперь поменял время на час, добавив важнейшую деталь, потому что считает, будто кто-то так хочет. Странно. И в высшей степени необычно.

– Ты же был с ним всего лишь утром.

– Я не из тех, кто стал бы заставлять его менять показания.

Бентон имеет в виду, что деталь эта новая, и он не верит, будто Джонни изменил свою первоначальную версию относительно времени ухода из кафе. Похоже, миссис Донахью просто ошиблась. Я пытаюсь представить, как такое могло случиться, и чувствую – здесь что-то не так.

– А как он вообще попал в Салем?

– На такси или поездом, но свидетельств у нас нет. Его не видели, никаких билетов не найдено, как нет никаких указаний на то, что Джонни был в Салеме или как-то связан с семьей Бишоп. Ничего, кроме признания. – Бентон бросает взгляд в зеркало заднего вида. – Важно вот что. Его версия в точности совпадает с тем, что говорится в новостях, и детали он меняет соответственно. В этой части письмо миссис Донахью верно отражает сложившуюся ситуацию. Джонни повторяет детали как попугай. Повторяет за кем-то, кто предлагает сценарий или информацию. Другими словами, он следует за тем, кто его ведет. Суггестивность, податливость к манипулированию, поведение, способное в некоторых своих проявлениях вызвать подозрение, – это все признаки синдрома Аспергера. – Снова взгляд в окно. – И еще дотошное внимание к деталям, к мелочам. Кого-то такое может поразить. Взять хотя бы вопрос со временем. Джонни всегда утверждал, что ушел из «Бисквита» в два. Точнее,

в три минуты третьего. Спроси, что он делал в такое-то время, и он распишет буквально по секундам.

– Но почему же Джонни изменил показания?

– На мой взгляд, он их не менял.

– То есть Джонни посчитал, что будет лучше назвать более раннее время. Что в таком случае люди охотнее поверят в то, что Марка Бишопа убил именно он.

– Вопрос не в том, что он хочет, чтобы люди ему поверили. Вопрос в том, что он верит в это сам. Верит не потому, что помнит, а потому, что не помнит и полагается на предложенный ему кем-то вариант.

– Но кем? Джонни признался в убийстве еще до того, как попал под подозрение и был допрошен. Значит, к ложному признанию его подтолкнула не полиция.

– Он не помнит. Убежден, что перенес диссоциативный эпизод после того, как вышел из «Бисквита» в два часа, добрался каким-то образом в Салем, убил из пневмомолотка мальчика…

– Он не убивал, – перебиваю я. – Могу заверить с полной гарантией. Джонни не убивал Марка из пневматического молотка. Его никто так не убивал.

Некоторое время Бентон молчит и только смотрит перед собой на снежинки, бьющиеся в ветровое стекло с таким звуком, словно кто-то бросал в него песок.

– Мне лично ясно, что миссис Донахью неверно истолковала мнение Джека Филдинга. – Я говорю с полной убежденностью в своей правоте, хотя в глубине души испытываю немалое беспокойство. Как мне поступить с ней? Воспользоваться советом Бентона и не звонить? Поручить моему помощнику по административной части, Брайсу, связаться с ней и передать – с соответствующими извинениями, – что я не вправе обсуждать ни дело Марка Бишопа, ни какое-либо другое. Важно, чтобы Брайс произвел нужное впечатление. Нельзя, чтобы миссис Донахью подумала, будто я слишком занята, будто меня не тронуло ее горе. Мне снова вспоминается утренний разговор с матерью рядового первого класса Гэбриэла, которая сказала мне так много

неприятного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/patrisiya-kornuell/obstoyatelstva-gibeli/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Лорен Ральф – американский модельер и бизнесмен, удостоен Советом дизайнеров США титула «Легенда моды». (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

2

Деконтаминация – очищение поверхности от загрязнителей – контаминантов.

3

Ламантины – род больших водных млекопитающих монотипного семейства Trichechidae, отряда сирен. Эти травоядные животные обитают на мелководье и питаются водной растительностью.

4

«Ред Сокс» – бейсбольная команда из Бостона.

5

ЦСЭ (англ. FC) – Центр судебных экспертиз. (Прим. перев.)

6

Ду-Би (англ. Do-Bee) – шмель из детского телесериала, наставляющий детей, как следует себя вести. (Прим. перев.)

7

По Цельсию – 4,4 градуса. (Прим. перев.)

8

«Вакенхат» – охранная фирма.

9

Лоулесс (англ. lowless) – беззаконный. (Прим. перев.)

10

«Мейфлауэр» (англ. mayflower – майский цветок) – название морского судна, на котором группа английских переселенцев пересекла Атлантический океан и прибыла в 1620 г. в Северную Америку.

11

ЛИВС (англ. AFDIL) – лаборатория идентификации Вооруженных сил. (Прим. перев.)

12

Рицин – белковый токсин растительного происхождения.

13

«Катрина» – самый разрушительный ураган в истории США, произошел в конце августа 2005 г.

14

Эдвард руки-ножницы – герой одноименного фантастического фильма Тима Бёртона, первого фильма режиссера с участием Джонни Деппа (1990).

15

«Мечи» (англ. SWORDS – Special Weapons Observation Remote Direct-Action System) – специальная боевая система наблюдения и разведки. (Прим. перев.)

16

«Джетсоны» – американский научно-фантастический мультипликационный сериал студии «Ханна-Барбера» о приключениях семьи Джетсон. Большинство действий происходит в 2060-х гг. – через 100 лет после создания сериала.

17

АТО (англ. ATF) – Бюро по контролю за распространением алкоголя, табачных изделий, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. (Прим. перев.)

18

ПВП – правила визуальных полетов. (Прим. перев.)

19

«Мрачный Жнец» – юмористическое фэнтези английского писателя Терри Пратчетта (1991).

20

Поступайте с другими так, как хотите, чтобы поступали с вами.

Купить: https://tellnovel.com/ru/patrisiya-kornuell/obstoyatelstva-gibeli-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить